

Глава четвёртая. Вклад США и Англии в разгром европейских держав «оси»

Международные последствия победы под Сталинградом

Коренной перелом в ходе войны ознаменовала победа Советских Вооруженных Сил под Сталинградом, именно на берегах Волги была сначала остановлена, а затем отброшена волна фашистской агрессии. В 1942 г. в битвах на советско-германском фронте были перемолоты лучшие гитлеровские дивизии. В оборонительный период сражения под Сталинградом враг с 17 июня по 19 ноября 1942 г. потерял 250 тыс. убитыми и 580 тыс. ранеными. За время наступления советских армий, начавшегося с 19 ноября 1942 г. по 2 февраля 1943 г., были наголову разбиты 32 фашистские дивизии и три бригады, в том числе полностью уничтожена или пленена 330-тысячная армия под Сталинградом. Кроме того, 16 дивизий противника потерпели значительный урон. Если до начала Сталинградского сражения выпуск военной техники и боеприпасов в Германии в общем покрывал потребности фронта, то бои у Волги привели к значительному дефициту. В приволжских степях и в самом городе была потеряна шестимесячная продукция танков и автомашин, четырехмесячная продукция артиллерийских заводов, двухмесячное производство стрелкового вооружения промышленности Германии. При попытках снабжать окруженную группировку в Сталинграде была потеряна авиационная армия. Это серьезнейшим образом ослабило силы гитлеровской Германии решительно на всех фронтах.

Морис Торез писал в начале 1943 г.: «Славная Сталинградская эпопея знаменует решительный поворот в справедливой войне цивилизованного мира против гитлеровской Германии. Во время сражения при Валь-ми Гёте воскликнул: «С этого места и с этого дня начинается новая эпоха мировой истории!» Что же сказать о Сталинграде, где о советскую скалу разбились волны фашистских орд, погрузивших в страшный мрак Европу и угрожавших всему миру. Под Сталинградом германская армия потерпела самый большой разгром, какой когда-либо отмечен в летописи войны».

Сталинградская победа подняла международный авторитет Советского Союза на невиданную высоту. Она не только изменила ход войны на советско-германском фронте, а следовательно и всей второй мировой войны, но имела огромные международные последствия. В оккупированных фашистскими захватчиками странах усилилось движение Сопротивления. Сталинград привел к тому, что Япония и Турция, готовые напасть на Советский Союз, отказались от своих намерений. В конце 1942 г. японское правительство в ответ на настойчивые приглашения из Берлина напасть на советский Дальний Восток ответило: «Японское правительство... прекрасно понимает желание своего союзника — Германии, чтобы Япония также вступила в войну против России. Однако ввиду сложившейся в настоящее время обстановки японское правительство в войну вступить не может». Победа под Сталинградом внесла разброд и шатания в лагерь агрессоров.

Гитлеровские войска продолжали вести упорные бои против Советской Армии, однако яростное сопротивление объяснялось не только послушанием букве и духу приказов фюрера. Некоторые германские командующие уже тогда руководствовались не только воинской дисциплиной. Фельдмаршал Паулюс, плененный в Сталинграде с остатками 6-й армии, позднее отмечал: «Я надеялся путем длительного упорного сопротивления под Сталинградом послужить как раз интересам немецкого народа, так как мне казалось, что поражение на Восточном фронте заградит всякий политический выход. Революционная

мысль — сознательно способствовать поражению с тем, чтобы отстранить Гитлера и нацистов как препятствие на пути к окончанию войны, в то время совершенно не приходила мне в голову». Однако небольшая часть представителей правящих кругов Германии, предвидя разгром, становится на путь поисков выхода из создавшегося положения. После Сталинграда в Германии возникает заговор с целью устранить Гитлера как предварительное условие для достижения соглашения с западными державами против Советского Союза. Во главе заговорщиков встали бывший начальник генерального штаба Бек и бывший бургомистр Лейпцига Герделер. 13 марта 1943 г., во время посещения Гитлером фронтового штаба фельдмаршала Клюге, группа офицеров подбросила в самолет Гитлера бомбу замедленного действия, однако она не сработала.

После разгрома германских армий под Сталинградом победа над фашистскими агрессорами стала неизбежной. Это осознали в Вашингтоне и Лондоне. Если триумф советского оружия вызвал волну симпатий и благодарности Советскому Союзу в народных массах всего мира, то реакционеров обуревали противоположные чувства. По мнению «экспертов по русским делам» в США и Англии, в этой победе таилась «новая опасность». Профессиональный английский разведчик Брюс Локкарт, весьма влиятельный в политических кругах своей страны, пояснял: «Эта опасность заключалась в том, что если два месяца тому назад английское и американское правительства считали, что России потребуется большая союзническая помощь во время и после установления мира, так как, хотя Россия и явится основным орудием победы, она окажется серьезно ослабленной, то сейчас по крайней мере существует возможность для нее выиграть войну без нас и без необходимости нашей помощи вообще». Хотя вопрос о том, насколько война истощит силы Советского Союза, пока оставался открытым, ответ на него в дальнейшем в значительной степени зависел от последовательности самих западных союзников в стратегии непрямых действий.

В Лондоне и Вашингтоне вынашивали далеко идущие антисоветские замыслы. В сентябре 1949 г. Г. Макмиллан огласил выдержки из меморандума У. Черчилля, разосланного членам британского кабинета в октябре 1942г. «Все мои помыслы, — указывал У.Черчилль, — направлены прежде всего к Европе — прародительнице современных наций и цивилизации. Произойдет чудовищная катастрофа, если русское варварство поглотит культуру и независимость древних государств Европы. Хотя сейчас трудно говорить об этом, я верю, что европейская семья наций сумеет действовать единым фронтом, как единое целое, под руководством европейского совета. Я обращаю свой взор к созданию единой Европы». В 1942 г. в качестве первого шага к созданию Дунайско-Балканской федерации был подписан союз между находившимися в Лондоне эмигрантскими греческим и югославским правительствами.

В ноябре 1942 г. в Швейцарию прибыл руководитель американской стратегической разведки А. Даллес. Он стремился нащупать связи с заговорщиками в правящей верхушке Германии. При встрече в феврале 1943г. с их представителем князем Гогенлоэ А. Даллес заявил, что «путем расширения Польши в сторону Востока и сохранения Румынии и сильной Венгрии» следует поддержать создание «санитарного кордона против большевизма и панславизма» в Восточной Европе. Он согласился «с государственной и промышленной организацией Европы на основе больших пространств, полагая, что федеративная Великая Германия (подобная США) с примыкающей к ней Дунайской конфедерацией будет лучшей гарантией порядка и восстановления Центральной и Восточной Европы». Однако А. Даллес подчеркнул: «При всем уважении к историческому значению Адольфа Гитлера и его дела трудно себе представить, чтобы возбужденное общественное мнение англосаксов согласилось на Гитлера как на бесспорного хозяина Великой Германии. К договорам с Гитлером нет доверия — ни в

отношении их длительности, ни в отношении их соблюдения. Между тем восстановление взаимного доверия является после войны решающим делом».

Из советской победы под Сталинградом американское правительство и командование сделали далеко идущие выводы в отношении строительства собственной армии. Коль скоро выяснилось, что Советские Вооруженные Силы способны нанести решающее поражение Германии, правящие круги США с удвоенной энергией стали проводить политику «экономии» собственных ресурсов. 5 ноября 1942 г. Управление военного производства докладывало президенту: «США могут внести более значительный вклад в успешное завершение войны производством и доставкой огромного количества вооружения и снаряжения нашим союзникам, чем посылкой на войну крупных контингентов американских солдат, что помешает развертыванию нашей военной экономики. Хотя мы не можем использовать иностранных рабочих, чтобы облегчить положение с людскими ресурсами, иностранными солдатами можно заменить американских солдат на многих театрах войны». «Программа победы», предусматривавшая формирование армии в составе 215 дивизий, после Сталинграда подверглась крутому сокращению. Было решено ограничиться армией в составе 89 дивизий, с которой США и закончили вторую мировую войну. Однако высвобождавшиеся ресурсы были брошены на всемерное укрепление авиации и флота. Правящие круги США не хотели нести значительных потерь, с которыми неизбежно сопряжены крупные сухопутные операции. Американская стратегия строилась с таким расчетом, чтобы, сохранив свои силы, обескровить Советский Союз.

Балканский вариант второго фронта

Отказ от открытия второго фронта в Северо-Западной Франции в 1942 г. вызвал горячую дискуссию в политических и военных кругах США и Великобритании. Если командование сухопутных сил США осталось недовольным согласием Рузвельта с Черчиллем об отсрочке вторжения в Европу, то командование ВМС США искренне поддержало ее, хотя по иным соображениям, нежели британский премьер-министр Война на Тихом океане, в первую очередь действия оперативного соединения Ни-мица, которое базировалось на Гавайских островах, обеспечивались всецело американским военно-морским флотом. Используя шумную агитацию «изоляционистов», взывавших о мщении за Перл-Харбор и требовавших разгрома в первую очередь Японии, американские адмиралы выступили за пересмотр основополагающей стратегической установки — Германия враг № 1.

Командованию ВМС удалось завербовать в число своих сторонников военного министра США Г. Стимсона. Он сообщил президенту свое мнение: «Раз англичане отказались от соглашения с нами, то мы должны отвернуться от них и взяться за войну с Японией». В сумме давление, оказанное на Ф. Рузвельта в этом отношении, было чрезвычайно большим. Президент, однако, не уступил. Он подтвердил уже известное положение о том, что разгром Японии не означает поражения Германии, а решительная схватка с Японией без участия Советского Союза окажется чрезвычайно тяжелой для Соединенных Штатов.

Общественность США и Великобритании настойчиво требовала активного ведения борьбы против фашизма. Попытка продолжить тактику «странной войны», вспоминал в 1956 г. Маршалл, в тогдашних условиях политически была бы смертельно опасна. Американский и английский народы поверили в обещания своих правительств открыть второй фронт, данные в 1942 г., и с нетерпением ожидали их выполнения. Хотя высадка в Северной Африке изображалась англо-американской пропагандой как «второй фронт», эта уловка не могла ввести в заблуждение широкие народные массы. В докладе

Исполкома на V национальном съезде американского Конгресса производственных профсоюзов в ноябре 1942 г., например, отмечалось: «Имеется абсолютная необходимость отвлечь силы врага наступлением против Германии... Это мотивируется тем, что преобладающая часть германских вооруженных сил сосредоточена против России». А съезд происходил в первые дни после высадки в Северной Африке! Правящие круги США и Англии стремились ограничить рост демократических сил в Европе, вызванный антифашистским характером войны.

Овладение Северной Африкой с населением почти в 36 миллионов человек дало бы возможность сформировать под контролем американцев французские вооруженные силы. Для этой армии, существовавшей пока на бумаге, американцы летом 1942 г. уже подыскивали командующего — французского генерала Жиро. Правительство США, не доверявшее де Голлю, ибо он, на взгляд Ф. Рузвельта, был слишком самостоятелен и претендовал на роль Жанны д'Арк, отводило Жиро роль «освободителя» Франции под американским покровительством. Политический смысл ориентации на Жиро, которого поддерживали крупные французские капиталисты и консервативное высшее офицерство, заключался в том, чтобы при изгнании гитлеровцев из Франции не допустить победы прогрессивных сил. В это время представитель Французского комитета национального освобождения в СССР во время беседы в НКВД СССР указывал, что правительство США стремится сохранить во Франции «всю административную, военную и пропагандистскую машину, передав ее в руки Жиро, который первый со своей армией должен будет высадиться во Франции и при поддержке США захватить всю государственную машину, чтобы помешать свободному волеизъявлению французского народа».

Английское правительство рассматривало высадку в Северной Африке как важнейшую предпосылку последующего вторжения на Балканский полуостров. В Лондоне нашли убежище королевские правительства, бежавшие из Югославии и Греции, которые всецело зависели от англичан. Британское управление специальных операций поддерживало контакт и оказывало ограниченную помощь тем элементам антигитлеровского сопротивления в странах Балканского полуострова, которые остались верны эмигрантским правительствам и могли помочь утверждению британского влияния на Балканах. В то же время Черчилль рассчитывал, что высадка западных союзников на Балканском полуострове крупными силами побудит Турцию к вступлению в войну с Германией. Конечной целью британской стратегии, которую высшие американские военные насмешливо называли «черчиллевелианской», был выход англо-американских вооруженных сил в Юго-Восточную и Центральную Европу до подхода туда советских армий, чтобы не допустить ее освобождения советскими войсками и восстановить «санитарный кордон» вдоль западных границ Советского Союза.

Еще до высадки в Северной Африке Черчилль 6 сентября 1942 г. предложил Рузвельту нанести удар в «подбрюшье» Европы — через Сицилию, Сардинию и Италию. В ноябре 1942 г. Рузвельт согласился обсудить эти вопросы. 14—25 января 1943 г. в Касабланке, в Северной Африке, состоялось англо-американское совещание, в котором приняли участие Рузвельт и Черчилль. На совещании были приняты следующие решения о действиях в 1943 г.: «Операции переносятся из Северной Африки в Южную Европу, на Додеканесские острова, в Грецию, на Крит, в Сардинию, Сицилию. Одновременно мы сосредоточиваем силы в Англии для вторжения через Ла-Манш в случае... уменьшения сил Германии во Франции или вывода их, или внутреннего краха» Германии. Первоочередным объектом после овладения Северной Африкой была указана Сицилия. Что касается вторжения через Ла-Манш, то итоги «сосредоточения сил» на Британских островах видны из того, что к лету 1943 г. там осталась всего лишь одна американская дивизия.

Совещание в Касабланке было венцом «балканской стратегии» Черчилля. Хотя американские руководители, в особенности комитет начальников штабов, не были ее последовательными сторонниками, на этой стадии войны они согласились с англичанами, рассчитывая проверить правильность суждений У. Черчилля в ходе операций. По существу обе стороны, участвовавшие в совещании, молчаливо согласились, что вторжение в Европу в 1943 г. не состоится. Дальнейшее англоамериканское стратегическое планирование тем не менее зависело от развития войны. Советскому правительству по предложению Черчилля было решено направить ответ, в котором «должны быть изложены наши общие намерения, но не должно содержаться никаких обещаний».

30 января 1943 г. И. В. Сталин, выразив благодарность за «дружеское совместное послание», писал президенту США и премьер-министру Великобритании: «Понимая принятые Вами решения в отношении Германии как задачу ее разгрома путем открытия второго фронта в Европе в 1943 году, я был бы Вам признателен за сообщение о конкретно намеченных операциях в этой области и намеченных сроках их осуществления». 9 февраля Черчилль ответил, что Ла-Манш будет форсирован в августе или сентябре 1943 г. 14 февраля он пишет в Москву: «Цепь необыкновенных побед» советских армий «лишает меня возможности слова, чтобы выразить Вам восхищение и признательность, которую мы чувствуем по отношению к русскому оружию. Моим наиболее искренним желанием является сделать как можно больше, чтобы помочь Вам». 16 февраля Советское правительство указало в своем ответе, что в результате приостановки боевых действий англо-американцев в Северной Африке немцы перебросили на советско-германский фронт 27 дивизий. «Таким образом, вместо помощи Советскому Союзу путем отвлечения германских сил с советско-германского фронта получилось облегчение для Гитлера, который ввиду ослабления англо-американских операций в Тунисе получил возможность перебросить дополнительные свои войска против русских».

22 февраля ответил Рузвельт. Он сослался на сильные дожди в Тунисе, сделавшие «поля и горы непроходимыми», и пожелал «героической Советской Армии дальнейших успехов, которые вдохновляют всех нас». 25 февраля откликнулся Черчилль: «То, что вы делаете, просто не поддается описанию». 23 февраля Рузвельт воздал «должное русскому народу, в котором русская армия берет свои истоки», а Черчилль 11 марта сообщил: «Я и президент серьезно желаем, чтобы наши войска участвовали в Европе в общем сражении, которое вы ведете с такой доблестью». 16 марта Председатель Совета Министров СССР в посланиях президенту США и премьер-министру Великобритании указал, что «неопределенность» их ответов по вопросу об открытии второго фронта во Франции «вызывает у меня тревогу, о которой я не могу умолчать». После этого западные союзники надолго замолчали о втором фронте.

Наконец, 4 июня 1943 г. американский посол в Москве лично вручил И. В. Сталину послание Рузвельта с сообщением о том, что Объединенный комитет начальников штабов принял решение уделить основное внимание борьбе с подводными лодками, вывести в ближайшее время Италию из войны, что «создаст угрозу позициям держав «оси» в районе Балкан», а вторжение во Францию откладывается на весну 1944 г. Рекомендации Объединенного комитета начальников штабов были утверждены Рузвельтом и Черчиллем. 11 июня И. В. Сталин ответил: «Это Ваше решение создает исключительные трудности для Советского Союза, уже два года ведущего войну с главными силами Германии и ее сателлитов с крайним напряжением всех своих сил, и предоставляет Советскую Армию, сражающуюся не только за свою страну, но и за своих союзников, своим собственным силам, почти в единоборстве с еще очень сильным и опасным врагом». Правительство

СССР не сочло возможным присоединиться к принятому решению.

19 июня Черчилль направил в Москву послание с объяснением мотивов нового отказа от открытия второго фронта в Европе. Напыщенный стиль послания далеко не соответствовал его содержанию — это была попытка оправдаться. В послании, например, указывалось, что против вторжения во Францию выступали англо-американские военные специалисты. Черчилль в данном случае прибег к прямой лжи: американские штабы считали возможным вторжение во Францию уже летом 1942 г. и неоднократно настаивали на проведении его. Оценка последствий операций союзников на Средиземном море носила фантастический характер: Черчилль настаивал, что в результате их гитлеровцы отложили наступление на советско-германском фронте. 24 июня 1943 г. Советское правительство дало достойный ответ. Указав на неоднократные обещания Рузвельта и Черчилля провести вторжение в 1943 г., Советское правительство констатировало: «Условия для открытия второго фронта в Западной Европе на протяжении 1943 г. не только не ухудшились, а, напротив, значительно улучшились». В заключение этого послания подчеркивалось: «Дело идет здесь не просто о реагировании Советского правительства, а о сохранении его доверия к союзникам, подвергаемого тяжелым испытаниям».

В 1943 г., как и в 1941 и 1942 гг., Советский Союз должен был вынести на своих плечах основное бремя войны. Гигантские силы были введены в действие на советско-германском фронте с обеих сторон, Германия истекала кровью, но гибли и миллионы советских солдат. А в это время Черчилль хладнокровно писал Идену: «Никто не может предвидеть, каково будет соотношение сил и куда выйдут армии-победительницы. Однако представляется вероятным, что США и Британская империя не будут слишком истощены и будут представлять собой наиболее мощный экономически и по вооружению блок, какой когда-либо существовал в мире. Советский Союз будет нуждаться в нашей помощи для восстановления страны гораздо больше, чем нам будет нужна его помощь». Затягивание открытия второго фронта было одним из главных средств, при помощи которого правящие круги Соединенных Штатов и Великобритании пытались достичь желаемых для себя результатов в ходе войны.

Занятие США и Англией Северной Африки. Овладение Сицилией

Нерешительные действия англо-американских войск в Тунисе позволили гитлеровцам не только организовать оборону, но и нанести ряд чувствительных ударов. «Африканский корпус» Роммеля соединился с германскими войсками в Тунисе. Хотя против гитлеровцев теперь действовали не только англо-американские части, высадившиеся в ноябре 1942 г. в Алжире и Марокко, но и испытанные ветераны — «крысы пустыни» 8-й английской армии Монтгомери, пришедшие по пятам Роммеля из Египта, немцы в начале февраля перешли в наступление. Находившиеся в Южном Тунисе американцы были отброшены на 150 км. к северу. Только введя в действие превосходящие во много раз силы, союзникам удалось к 25 февраля восстановить положение. Повторные неудачи американцев вызвали резкое недовольство британских командующих, которые предложили вообще отвести американские части в тыл для дополнительного обучения. Между англичанами и американцами сложились весьма напряженные отношения. Как вспоминает генерал Брэдли, «некоторые английские офицеры, особенно высшие, относились к американской армии с плохо замаскированной насмешкой. Обладая большим военным опытом, они смотрели на американцев как на провинциалов, ничего не понимавших в сложном искусстве ведения войны. Они с готовностью признавали качественное превосходство

американского вооружения, однако посмеивались над нами, говоря, что «у нас слишком всего много».

Когда 20 апреля 1943 г. началось решительное наступление англо-американцев и французов в Тунисе, то они имели двойное превосходство в пехоте, тройное — по артиллерии, четырехкратное — по танкам и абсолютное господство в воздухе и на море. После непродолжительных боев, 7 мая были взяты Тунис и Бизерта. Остатки итало-германской группировки отступили на мыс Бон. Ими командовал генерал Арним, Роммеля незадолго до этого отозвали в Германию, чтобы после Паулюса в Сталинграде еще один фельдмаршал не попал в плен. Порты Сицилии отстоят от Туниса всего на 160 км. Союзники ожидали массовой эвакуации и горели желанием одержать внушительную победу на море. Пылая жаждой мщения за Дюнкерк, командование британского флота разработало план операции под названием «Возмездие». Британским кораблям, сосредоточившимся у мыса Бон, 8 мая был отдан приказ: «Топите, жгите и уничтожайте, не пропускайте никого». Но «Возмездие» не было осуществлено, — 250 тыс. солдат, держав «оси», из них 140 тыс. немцев, предпочли плен сомнительному спасению. 12 мая 1943 г. итало-германская группировка капитулировала. Северная Африка была занята армиями США и Англии. Потери союзных сил за время кампании в Тунисе оказались небольшими — 10,3 тыс. убитых, из них 2,7 тыс. американцев.

Операцию по захвату Сицилии готовили без особой спешки. Для начала было решено занять крошечный островок Пантеллерия, находящийся в проливе между Тунисом и Сицилией. На Пантеллерии был слабый итальянский гарнизон и несколько десятков самолетов в подземных ангарах. С 18 мая по 11 июня остров подвергался артиллерийскому обстрелу с моря и ожесточенным бомбардировкам. Авиация сбросила 6570 тонн бомб. Наконец, 11 июня могучая союзная эскадра с десантом появилась у острова. Итальянский гарнизон немедленно выбросил белый флаг. Союзные солдаты высадились на острове и выяснили, что гарнизон почти не понес потерь, самолеты оказались в целости, а ущерб англо-американским войскам при взятии Пантеллерии нанес... осел, который укусил одного солдата. Одновременно капитулировали гарнизоны близлежащих островков Линоса и Лампедуза, причем последний сдался летчику, совершившему вынужденную посадку из-за нехватки горючего.

На рассвете 10 июля англо-американские войска широким фронтом высадились на южном побережье Сицилии. Итальянские части, не оказав сопротивления, разбежались. Некоторые трудности встретили американцы, натолкнувшись на германские подразделения. Попытка использовать воздушнодесантные части оказалась не слишком успешной. В ночь на 11 июля самолеты с десантниками были обстрелены собственной зенитной артиллерией. Вот что рассказывает очевидец генерал Брэдли: несмотря на строгое предупреждение о том, что над районами высадки ночью пройдут свои самолеты, зенитки открыли огонь. «Как стая испугнутых перепелок, строй самолетов рассыпался в разные стороны. Пилоты старались спасти свои машины. В затемненных кабинах вспыхнул свет, и десантники начали выбрасываться из машин. Некоторые приземлялись в районе расположения наших дивизий. Их принимали за немцев и открывали по ним огонь, пока они еще раскачивались на стропах парашютов. Из 144 самолетов, участвовавших в выброске воздушного десанта, не вернулось 23 машины. Половина уцелевших самолетов, получивших повреждения в результате зенитного огня, едва дотянула до Туниса. Утром перед нашим взором открылась печальная картина: из воды торчали останки сбитых самолетов. Парашютисты потеряли свыше 20 процентов своего состава». Дальнейшие боевые действия англо-американцы вели против двух германских дивизий, укомплектованных ополченцами. Эти две слабые дивизии, не имевшие воздушной поддержки, сопротивлялись больше месяца двенадцати первоклассным англо-

американским дивизиям.

Темпы продвижения англо-американских войск зависели от скорости отступления противника. Крупных боев не было, боевые действия ограничивались стычками с арьергардами немцев. Командир 82-й американской дивизии генерал Риджуэй вспоминает о кампании на Сицилии: американские солдаты «плавали в голубом море, мылись, чистили одежду и оружие, а изредка выходили на шлюпках принимать капитуляцию небольших итальянских гарнизонов, находившихся на близлежащих островах... Когда мы двинулись на Палермо, пришел приказ освободить дороги и пропустить вперед 2-ю бронетанковую дивизию, которая должна была нанести удар по этому крупному городу на северном побережье Сицилии. И вот мы сошли с дороги, а 2-я бронетанковая дивизия с грохотом пронеслась мимо нас в Палермо. Но в городе танкисты встретили не противника, а парашютистов 82-й дивизии. Они уже несколько часов находились в городе и успели вином промыть себе горло. Стоя на тротуарах, они с издевкой аплодировали танкистам... Вся кампания длилась недолго и для 82-й дивизии была больше похожа на маневры, чем на настоящую войну». 17 августа гитлеровские войска покинули Сицилию, переправившись через Мессинский пролив. Они увезли с собой даже всю тяжелую технику.

Несомненно, приближение войны к Апеннинскому полуострову имело катастрофические последствия для итальянского фашизма. Однако первопричиной его краха были общие неудачи всей «оси», огромные потери итальянских войск на советско-германском фронте. Там лучшие дивизии итальянской армии потеряли до 150 тыс. человек. Даже Черчилль признает в своих мемуарах «Военное поражение и истребление итальянцев в России, Тунисе и Сицилии» привели к падению Муссолини. На первом месте, как видим, стоит советско-германский фронт. Летом 1943 г. взоры всего мира были прикованы не к бассейну Средиземного моря, а к Курску, на подступах к которому советские армии нанесли решительное поражение гитлеровцам.

Влияние побед Советской Армии на определение американской стратегии

В Сицилии двум союзным армиям потребовалось 38 дней, чтобы не разгромить, а прогнать две слабые немецкие дивизии с острова. На советско-германском фронте в течение одной недели было остановлено и потерпело сокрушительную неудачу гитлеровское наступление под Курском, начавшееся 5 июля. В нем принимало участие 50 отборных германских дивизий, оснащенных новейшей техникой и имевших сильную поддержку с воздуха. Этому наступлению гитлеровское руководство придавало решающее значение. Накануне его Гитлер подчеркнул: «Неудачи не должно быть!» Кейтель указал командующим: «Мы должны начать наступление из политических соображений». В приказе по войскам Гитлер настаивал: «На направлении главного удара должны использоваться лучшие соединения, лучшее оружие, лучшие командиры... Победа под Курском должна явиться факелом для всего мира». Факел был зажжен, и в его огне сгорели лучшие дивизии гитлеровской Германии.

Неслыханное поражение Германии под Курском оказало глубокое воздействие на обстановку на всех фронтах второй мировой войны. В Вашингтоне и Лондоне, говоря словами Лиддел-Гарта, видели, что «русское наступление стало все больше походило на прилив огромного 1600-километрового побережья». Не за горами было то время, когда волна докатится до Германии. Блистательные победы советских армий показали, что сильнейшей военной державой мира является Советский Союз, способный в одиночку

нанести конечное поражение агрессорам. Англо-американским правящим кругам приходилось все более считаться с исполинской мощью Советских Вооруженных Сил.

В конце августа 1943 г. в канадском городе Квебеке состоялась очередная конференция высших политических руководителей и представителей военного командования Соединенных Штатов и Великобритании. Американскую делегацию возглавлял Рузвельт, британскую — Черчилль. Агентство Рейтер сообщало о причинах поспешного созыва совещания: «Скорее летние победы Красной Армии, чем англо-американские успехи в Тунисе и на Сицилии, обусловили необходимость быстрого пересмотра планов союзников». Американский комитет начальников штабов, трезво признав второстепенное значение операций США и Великобритании в глобальной стратегии антифашистской коалиции, попытался оценить будущие политические последствия войны. Рекомендации комитета, рассмотренные в Квебеке, гласили: «По окончании войны Россия будет занимать господствующее положение в Европе. После разгрома Германии в Европе не останется ни одной державы, которая могла бы противостоять огромным военным силам России. Правда, Великобритания укрепляет свои позиции на Средиземном море против России, что может оказаться полезным для создания равновесия сил в Европе. Однако и здесь она не будет в состоянии противостоять России, если не получит соответствующей поддержки. Выводы из вышеизложенного ясны. Поскольку Россия является решающим фактором в войне, ей надо оказывать всяческую помощь и надо прилагать все усилия к тому, чтобы добиться ее дружбы. Поскольку она безусловно будет занимать господствующее положение в Европе после поражения держав «оси», то еще более важно поддерживать и развивать самые дружественные отношения с Россией». Дальнейшее подтверждение этим выводам американские стратеги усматривали в обстановке, сложившейся в войне на Дальнем Востоке и Тихом океане. Предвидя тяжелые сражения на этом театре, где союзники пока не приблизились на расстояние удара к японским островам, комитет указывал: «Если войну на Тихом океане придется вести при недружественной или отрицательной позиции России, трудности неимоверно возрастут и операции могут оказаться бесплодными».

Американский комитет начальников штабов в связи с бесконечными поисками альтернативных решений политического курса в отношении СССР 16 мая 1944 г. представил Государственному департаменту развернутое объяснение мотивов своей позиции. Основное содержание документа — констатация «революционных изменений в соответственной военной силе государств», явившихся следствием «феноменального роста» мощи СССР. «После войны, — указывал комитет, — в мире останутся три великие державы — США, Великобритания и СССР. В случае конфликта между двумя последними разница в военных силах, которые они выставят на континенте Европы, будет в нынешних условиях такова, что ее не сможет преодолеть наше вмешательство на стороне Великобритании. С учетом военных факторов — людских ресурсов, географических условий и особенно нашей способности перебросить силы через океан и развернуть их на континенте — мы сможем успешно защитить Великобританию, однако мы не сможем нанести поражения России. Другими словами, мы окажемся в войне, которую нельзя выиграть». Отсюда прямой вывод, сделанный в документе, — конфликт с СССР смертельно опасен для США и Великобритании, необходимо продолжить сотрудничество с Советским правительством.

На Квебекской конференции американская делегация настояла на том, чтобы в 1944 г. провести вторжение через Северо-Западную Францию. Решение это было встречено в штыки англичанами, которые согласились с ним только на словах. Черчилль по-прежнему отстаивал балканский вариант второго фронта. В Соединенных Штатах критики политики Рузвельта по сей день указывают, что была якобы совершена фатальная ошибка. Однако

американское правительство и штабы знали, чего они добивались: выявившееся огромное военное преобладание Советского Союза неизбежно привело бы к освобождению Западной Европы советскими войсками, в то время как англо-американцы, если бы они последовали советам Черчилля, неизбежно застряли бы на Балканах и в Альпах. Выступив за открытие второго фронта во Франции, США стремились предотвратить такой исход. У. Липпман писал в 1950 г.: «Предположим, мы вторглись бы на континент с юга... Не значило бы это, что русские войска вошли бы в пределы всей Северной Германии, включая Вестфалию, Голландию, Бельгию и Люксембург, а быть может, и в самую Францию до нашего прихода туда?.. В 1942 и 1943 гг. я был твердо убежден в правильности стратегии Черчилля. Это было в то время, когда казалось невероятным, что русская армия может продвинуться в Европу... Но когда стало очевидно, что предстоит вторжение (Советской Армии) в Германию, я изменил мнение и понял, что Стимсон и Маршалл были в сущности правы как раз с точки зрения политики дальнего прицела, отличной от непосредственной военной точки зрения, когда они стремились ввести мощные англоамериканские силы в Западную Германию».

Поскольку эта американская стратегия отвечала требованиям широких народных масс провести вторжение через Ла-Манш, ее было нетрудно изобразить как искреннее желание помочь Советскому Союзу. Однако претворение в жизнь американской стратегии, намеченной в Квебеке, произошло не сразу. Английское правительство воспользовалось событиями в бассейне Средиземного моря и сделало отчаянную попытку добиться ее пересмотра в пользу балканского варианта второго фронта.

Капитуляция Италии

Продолжавшееся участие Италии в войне вызывало растущее недовольство итальянского народа. С конца 1942 г. в стране началось стачечное движение, в ряде провинций складывался национальный фронт борьбы. Возникли реальные предпосылки перехода власти в руки демократических сил, решительного поворота в политических судьбах Италии. Влияние Итальянской коммунистической партии в массах стремительно усиливалось. Буржуазные круги Италии видели, что дальнейшее продолжение войны ставит под угрозу само их существование. Поражения на фронтах, рост недовольства внутри страны побудили их отмежеваться от фашизма. Даже самые консервативные, монархические круги итальянской буржуазии поняли, что медлить больше нельзя. Муссолини был избран козлом отпущения за войну, затеянную итальянскими империалистами.

24 июля состоялось совещание фашистского Большого совета. Муссолини заявил о своей готовности «произвести необходимые перемещения, подвинтить гайки». Однако 19 голосов было подано за резолюцию недоверия Муссолини, 7 — против, двое воздержались. Но отставки Муссолини не требовалось. Совершив этот самый мужественный шаг оппозиции дуче, члены Большого совета разошлись. Никто из них не ночевал дома. Когда 25 июля Муссолини явился на прием к королю, последний предложил ему подать в отставку. По выходе из королевского дворца Муссолини был арестован. 9 сентября 1943 г. «Правда» писала: «Удары по гитлеровской армии под Орлом и Белгородом вышибли Муссолини из седла, начался тяжелый кризис фашистской Италии». Итальянское правительство возглавил маршал Бадольо.

В начале августа правительство Бадольо в глубокой тайне вступило в переговоры с США и Англией о перемирии. Общей точкой соприкосновения между обеими сторонами была боязнь роста демократических сил, страстное желание предотвратить усиление авторитета единственных последовательных борцов против фашизма — итальянских коммунистов.

Англо-американцы всеми силами стремились сохранить политический фасад Италии. 30 июля Рузвельт пишет Черчиллю: «Здесь есть скандалисты, которые поднимут шум, если создастся впечатление, что мы признаем Савойскую династию или Бадольо.. Мы должны вступить в «переговоры с любым лицом или лицами в Италии, которые наилучшим образом... предотвратят хаос». 31 июля Черчилль ответил: «Меня несколько не страшит, что создается впечатление, что я признаю Савойскую династию или Бадольо, если они смогут побудить итальянцев делать то, что необходимо для наших военных целей. Хаос, большевизация или гражданская война, конечно, препятствовали бы достижению этих целей». Желание правящих кругов Италии свалить вину за войну на Муссолини как нельзя лучше соответствовало видам Вашингтонских и Лондонских политиков. Рузвельт особо подчеркнул необходимость добиваться выдачи «главного дьявола вместе с его основными сообщниками по преступлениям».(*«Главный дьявол», однако, ускользнул 12 сентября гитлеровцы выкрали его из места заключения и доставили на север Италии, где Муссолини под охраной эсэсовцев организовал марионеточное фашистское правительство, насмешливо прозванное «республикой Сало» (По месту его пребывания в местечке Сало на берегу озера Гардо.)*) В ходе переговоров Италии с США и Англией было достигнуто соглашение об условиях перемирия. Но как объявить о них? Правительство Бадольо смертельно боялось мести гитлеровцев и умоляло англо-американцев о защите. В конечном итоге было решено приурочить сообщение о выходе Италии из войны к высадке англо-американцев на Апеннинском полуострове.

Переговоры с Италией правительства США и Англии взяли целиком в свои руки и вели за спиной Советского Союза. Советское правительство было информировано лишь о их результатах и то с запозданием. 22 августа И. В. Сталин писал Рузвельту и Черчиллю: «До сих пор дело обстоит так, что США и Англия сговариваются, а СССР получает информацию о результатах сговора двух держав в качестве третьего пассивного наблюдателя. Должен Вам сказать, что терпеть дальше такое положение невозможно». И В. Сталин предложил создать военно-политическую комиссию из представителей трех держав «для рассмотрения вопросов о переговорах с различными правительствами, отпадающими от Германии». США и Англия затянули вопрос о создании такой комиссии, дав согласие на организацию ее лишь в сентябре 1943 г. А тем временем в прямом подчинении союзного командующего на Средиземном театре военных действий была учреждена Союзная контрольная комиссия, предусмотренная условиями перемирия с Италией. Возникло так называемое «Союзное военное правительство» (АМГОТ), которое управляло итальянскими землями, занятыми войсками США и Англии. Тем самым американские и английские правительства стремились полностью устранить итальянский народ от решения своей судьбы.

К началу сентября 1943 г. в Италии дислоцировалось 16 германских дивизий. Германские штабы прекрасно понимали слабость своих сил перед лицом противника, имевшего неограниченное господство на море и в воздухе. В конечном счете союзные десанты могли быть высажены в любой точке протяженного побережья Италии. Гитлеровцы не имели никаких возможностей помешать этому. Поэтому их планы предусматривали немедленное отступление с Апеннинского полуострова на линию Масса-Каррара-Пезаро к северу от Флоренции, а в худшем случае даже на рубеж реки По. В любом случае германские генералы исходили из того, что Рим будет оставлен. Действия англо-американцев превзошли самые оптимистические расчеты гитлеровцев. Вместо того чтобы использовать свое превосходство на море, избрав выгодные места для высадки, командующие США и Англии на Средиземном море предпочли вторжение на Апеннинский полуостров с носка итальянского «сапога».

3 сентября 1943 г. после сокрушительной бомбардировки с воздуха и массивной

артиллерийской подготовки 8-я английская армия Монтомгери переправилась через Мессинский пролив. В ответ не прозвучало ни одного выстрела: итальянские части сопротивления не оказали, а германские заранее отошли. 8 сентября две английские дивизии высадились в Таранто, в тот же день в районе Салерно началась высадка основной ударной группировки союзников — 5-й американской армии в составе восьми дивизий под командованием Кларка, которая имела цель занять Неаполь. Вечером 8 сентября по радио из Рима выступил Бадольо. Он объявил о капитуляции Италии. Немедленно вслед за этим король и правительство перелетели на самолетах под крылышко англо-американцев и обосновались в районе Бриндизи.

Теперь, когда союзники открыли свои карты, гитлеровцы отказались от своих планов оставления Апеннинского полуострова. Вечером 8 сентября германские части в Италии получили условный сигнал — начать осуществление «варианта ось» — разоружение армии своего бывшего союзника. Операция не представила особого труда: итальянские солдаты разбежались, а вооружение и запасы горючего захватили немцы. Союзные войска, вторгшиеся на юге, опасности не представляли, они продвигались черепашьими темпами. Поэтому гитлеровцы сосредоточили основное внимание на американском десанте в Салерно. Им удалось собрать в районе Салерно три дивизии и 13 сентября нанести контрудар. Две американские дивизии были разгромлены, плацдарм разрезан. Американский командующий перебрался с берега на корабль, послав паническое донесение в вышестоящий штаб: если не придут резервы, войскам США грозит Дюнкерк. На поддержку американской 5-й армии была брошена вся тактическая и стратегическая авиация союзников на Средиземном море, на самом плацдарме была высажена воздушнодесантная дивизия. Только эти чрезвычайные меры спасли 8 американских дивизий от трех германских. 16 сентября 5-я американская армия соединилась с 8-й английской. 27 сентября англо-американцы заняли Фоджу, 1 октября вступили в Неаполь,

Гитлеровцам удалось стабилизировать фронт значительно южнее, чем предполагалось раньше. Для подкрепления его в сентябре — октябре были сняты германские гарнизоны с Сардинии и Корсики. Как пишет бывший гитлеровский генерал Вестфаль, «удивительно пассивные действия военно-морских сил и авиации западных союзников позволили провести эвакуацию настолько успешно, что, когда эти войска по прошествии некоторого времени оказались на территории Италии, они были в состоянии немедленно вступить в бой». К началу ноября германские войска держали оборону на рубеже реки Гарильяно с центром в Монте-Кассино. Гитлеровцы располагали девятью дивизиями неполного состава, против них находилось тринадцать англо-американских дивизий. По количеству артиллерий, танкой, пехоты они превосходили немцев в три раза, сравнивать силы союзной и гитлеровской авиации вообще не приходилось. Тем не менее вооруженные силы США и Англии не добились сколько-нибудь значительных успехов. Бывший гитлеровский командующий в Италии Кессельринг подводит итог: «Насколько благоприятными были предпосылки для союзников, настолько незначительными были их действительные успехи». Неудачи англоамериканских войска в Италии укрепили убеждение правительства США, что балканский вариант второго фронта приведет к освобождению Западной Европы Советской Армией.

Между тем Черчилль попытался использовать вторжение в Италию для подготовки операций на Балканском полуострове, предпосылкой которых должен был быть успех итальянской кампании. Английские войска в период с 8 по 18 сентября заняли ряд островов в Додеканесском архипелаге. В Югославию к Тито Черчилль отправил миссию генерала Маклина, к которой прикомандировал своего сына Рандольфа. Капитуляция Италии привела к тому, что 15 итальянских дивизий, расквартированных в Югославии,

вышли из войны. Партизаны спустились с гор и значительно расширили контролировавшуюся ими территорию. Все это, по мнению Черчилля, создавало благоприятные возможности для открытия боевых действий на Балканском полуострове. 19 октября 1943 г. на заседании английского комитета начальников штабов Черчилль наметил наиболее желательный образ действия: максимально увеличить силы в Италии, вступить на Балканы, сохранить позиции на Додеканесских островах, усилить бомбардировки Германии, продолжать сосредоточение американских войск на Британских островах. Но, заключил британский премьер, «к сожалению, мы не можем односторонне принимать решение относительно будущих действий союзных держав. Поэтому необходимо новое совещание с американцами». Последние, в свою очередь учитывая огромные успехи советских армий и более чем скромные достижения англо-американских войск, осознали, что любая договоренность между США и Англией без СССР немыслима. Логика событий делала совещание трех держав неизбежным.

Московское совещание министров иностранных дел 13—30 октября 1943 г.

Созыв первого совещания министров иностранных дел трех великих держав в Москве явился официальным признанием руководящей роли Советского Союза в антигитлеровской коалиции.

2 октября 1943 г. посол СССР в США передал Государственному департаменту проект повестки дня предстоящей конференции, где, в частности, предлагалось: «Рассмотреть мероприятия по сокращению сроков войны против Германии и ее союзников в Европе», имея в виду вторжение в Европу через Ла-Манш. Правительствам США и Великобритании пришлось пойти на обсуждение военных вопросов. Хотя окончательное суждение по вопросу о соответствующих военных операциях было отложено до встречи глав правительств, в коммюнике об итогах совещания министров иностранных дел указывалось: «В первую очередь состоялись исчерпывающие и искренние дискуссии по поводу мероприятий, которые следует предпринять для сокращения сроков войны против Германии и ее сателлитов в Европе». Точка зрения Советского правительства, что следует в первую очередь стремиться к сокращению сроков войны активными операциями, возобладала. Влиятельные сторонники «стратегии непрямых действий» и войны на истощение в США и Великобритании потерпели серьезное поражение.

30 октября 1943 г. был принят основной документ конференции — «Декларация четырех государств по вопросу о всеобщей безопасности», подписанный министрами иностранных дел СССР, Великобритании, государственным секретарем США и представителем Китая. Декларация предусматривала: 1. Союзники будут вести войну против своих соответственных врагов до тех пор, пока противник не сложит оружия и безоговорочно капитулирует; 2. По завершении войны усилия союзных держав будут направлены на обеспечение мира и безопасности; 3. В возможно короткий срок будет учреждена Международная организация для поддержания мира и безопасности; 4. По окончании войны союзники не будут применять своих вооруженных сил на территории других государств, кроме как после совместной консультации и для целей, предусмотренных в этой декларации. Принятие декларации имело огромное международное значение. В столице Советского Союза США и Великобритания согласились на создание Международной организации, предусматривавшей суверенное равенство всех государств — больших и малых. В Москве был заложен краеугольный камень в основание будущей Организации Объединенных Наций.

Англо-американские представители прибыли в Москву, имея принципиальную договоренность между собой о расчленении Германии. Президент накануне совещания в Москве «категорически заявил» Хэллу, что он «выступает за расчленение Германии на три или несколько государств, которые будут сами по себе совершенно самостоятельными». Англо-американские планы расчленения Германии не нашли поддержки у Советского правительства. В «Декларации об Австрии», принятой на совещании, США и Великобритания были вынуждены официально отмежеваться от мюнхенской политики, признав присоединение, навязанное Австрии Германией 15 марта 1938 г., как «несуществующее и недействительное». Это было значительным успехом советской внешней политики: если США и Великобритания в 1938 г. признавали де-юре «аншлюсе», то Советский Союз тогда, напротив, осудил захват Австрии Германией как «насилие» и «агрессию». Спустя пять лет США и Великобритания солидаризировались с позицией Советского Союза. В «Декларации об Италии» три великие державы провозгласили в качестве своей политики, что «фашизм и все его пагубные явления и последствия должны быть полностью уничтожены и что итальянскому народу должна быть предоставлена полная возможность установить правительственные и другие учреждения, основанные на принципах демократии». Декларация имела весьма важные последствия. Деятельность англо-американской администрации в Италии, АМГОТ а, была ограничена, а 11 февраля 1944 г. в Южной Италии восстановлена власть итальянского правительства.

Для изучения европейских вопросов, возникавших в ходе войны, было решено создать Европейскую Консультативную Комиссию с местопребыванием в Лондоне. Советский Союз, выступавший за восстановление Франции в качестве великой державы, Предложил включить ее в состав комиссии наряду с СССР, США и Великобританией. Ввиду упорного сопротивления американской и английской делегаций решение этого вопроса было пока отложено. 24 октября 1943 г. А. Идеи представил совещанию «основную схему управления освобожденной Францией», предусматривавшую фактическую англо-американскую оккупацию Франции и отстранение от управления страной французского комитета национального освобождения. На совещании выяснилось, что «основная схема» была подготовлена за спиной последнего, а глава комитета генерал де Голль не был даже информирован об этом плане. (*Де Голль пишет об американской политике: «С тех пор как Америка вступила в войну, Рузвельт решил, что мир будет миром американским, что именно ему принадлежит право диктовать условия организации этого мира, — он хотел, чтобы страны, раздавленные испытаниями войны, признали за ним право судить, и считал, что, в частности, он станет спасителем Франции и вершителем ее судеб. Таким образом, то обстоятельство, что в самый разгар борьбы Франция могла воспрянуть не просто в качестве разрозненного и тем самым приемлемого сопротивления, но в качестве суверенной и независимой нации, противоречило его намерениям».*) На Московском совещании правительства США и Великобритания пытались добиться санкции СССР на бесконтрольное хозяйничанье во Франции, представив это как согласованную политику трех великих союзников.

Рузвельт, свидетельствует тогдашний военный министр США Стимсон, был уверен, что при освобождении Франции там вспыхнет «революция». Президент неустанно повторял членам американского правительства: «Нужно сделать так, чтобы в этом случае между нами и Францией был барьер». Руководители французского Сопротивления понимали несовместимость целей американской политики с национальными интересами страны. Представитель ФКНО в СССР Р. Гарро говорил в беседе с заведующим 1-м Европейским отделом НКВД СССР: «Американцы опасаются, что французский народ займет крайне левую и независимую позицию после освобождения и Америка лишится базы для проведения во Франции и ее колониях политики, обеспечивающей американские

интересы. Этой боязнью объясняется то обстоятельство, что США поддерживали реакционные круги Франции, пораженцев и вишистов».

Советская делегация на совещании решительно выступила против планов правительств США и Великобритании. В результате «Основная схема» была отвергнута. Это имело неопределимое значение для усиления демократических элементов французского движения Сопротивления, для обеспечения национальных интересов Франции.

На Московском совещании — первой встрече министров иностранных дел СССР, США и Великобритании — ярко проявился демократический характер советской внешней политики. Верное неизменным принципам внешней политики социалистического государства, правительство СССР выступило в защиту суверенитета всех народов, за определение ими без вмешательства извне политического и социального устройства в своих государствах.

Особое место в решениях совещания заняла «Декларация об ответственности гитлеровцев за совершенные зверства», оглашенная 30 октября 1943 г. Руководители трех великих держав от имени тридцати двух Объединенных Наций торжественно предупредили всех офицеров и солдат германских вооруженных сил, а также членов нацистской партии, что те из них, кто виновен в зверствах над населением оккупированных стран, «должны знать, что они будут отправлены обратно в места их преступлений и будут судимы на месте народами, над которыми они совершали насилия. Пусть те, кто еще не обогрел своих рук невинной кровью, учтут это, чтобы не оказаться в числе виновных, ибо три союзные державы наверняка найдут их даже на краю света и предадут их в руки их обвинителей с тем, чтобы могло свершиться правосудие».

Московское совещание подтвердило тот знаменательный факт, что в результате побед Советских Вооруженных Сил политика Советского Союза становится знаменем всей антигитлеровской коалиции не только во время войны, но и при подготовке послевоенного мирного урегулирования. Если советские армии решали судьбы войны на полях сражений, то советская дипломатия способствовала росту влияния демократических сил в мире.

Тегеранская конференция глав трех государств

Неотложные вопросы военной стратегии, поднятые советской делегацией на совещании в Москве, предстояло решить главам держав антигитлеровской коалиции, которые встретились 28 ноября — 1 декабря 1943 г. в Тегеране. Наибольшие разногласия между Советским Союзом, США и Великобританией вызывал вопрос о втором фронте, по которому в лагере двух последних государств также не было единства. До конференции в Тегеране англичане и американцы так и не могли договориться между собой о направлении главного удара против Германии силами западных союзников. Американцы выступали за высадку в Северо-Западной Франции, англичане — за операции на Балканах. Противоречия между американским и английским правительствами порождали не технические трудности подготовки, проведения и обеспечения операции, а проблемы наилучшего использования вооруженных сил для достижения политической цели — предотвращения освобождения народов Европы Советским Союзом. Американские и английские руководящие круги объединяла эта политическая цель, но страстное желание осуществить ее во всем объеме углубляло конфликт во взглядах на военные операции. Исходя из аналогичных посылок, политические и военные деятели США и

Великобритании приходили к различным выводам.

Американский комитет начальников штабов, рано оценив относительную слабость США и Великобритании перед лицом СССР, на конференции в Квебеке в августе 1943 г. добился одобрения англичанами следующей стратегической установки: высадка во Франции «будет главным американско-английским наступлением на суше и в воздухе против европейских держав «оси» (день начала операции — 1 мая 1944 г.). При этом правительство США и американские начальники штабов исходили из того, что, если западные союзники будут упорствовать в ограничении операций Средиземноморским театром, отдаленность которого от баз снабжения и географические условия давали серьезные преимущества противнику, советские войска тем временем не только займут Германию, но и освободят Францию. Авторитетный американский официальный историк проф. Ф. Мозли, работавший в годы войны в Европейской Консультативной Комиссии, в этой связи отмечает: если бы англо-американские силы были заняты на Средиземном море и попытались развить операции из Италии на Балканах, это «по-видимому, привело бы к тому, что не только вся Германия, но также Дания, Нидерланды, Бельгия и, возможно, Франция» были бы освобождены советскими войсками. «Если дела в России пойдут и дальше так, как сейчас, — говорил Ф. Рузвельт сыну в конце 1943 г., — то, возможно, будущей весной второй фронт и не понадобится».

Черчилль, оказывающий решающее влияние на британскую стратегию, смотрел на положение вещей иначе. Дав согласие в Квебеке на высадку во Франции 1 мая 1944 г., англичане оставили для себя лазейку, отведя требование начальника штаба американской армии генерала Маршалла использовать все ресурсы для подготовки только этой операции. У. Черчилль по-прежнему считал наиболее выигрышным оперативно-стратегическим направлением удар на Балканах, с тем чтобы выйти в Юго-Восточную и Центральную Европу и там встретить советские армии. 20 октября 1943 г. он инструктировал Идена, находившегося в Москве: «Если бы решение зависело от меня, я бы не стал отводить войск со Средиземного моря и не вышел бы из узкого «голенища» итальянского «сапога» в долину По, а решительно связал бы противника на узком фронте и в то же время поощрял бы волнения на Балканах и Южной Франции». Накануне Тегеранской конференции английские (начальники штабов прямо заявили своим американским коллегам: «Основным является следующий вопрос: сколь долго можно сохранять в неприкосновенности то, что можно назвать «святыней Оверлорда», не считаясь с развитием событий на Средиземном море».

Этот вопрос, т. е. отказ от высадки во Франции в пользу вторжения на Балканах, английское правительство предложило решить с правительством США на совещании в Каире, где 22—26 ноября 1943 г. Рузвельт встретился с Черчиллем по пути в Тегеран. Но английскому премьеру не удалось убедить американцев, которые почерпнули дополнительную уверенность в правильности своих позиций в военных неудачах, постигших войска союзников на Средиземном море. Надежды на скорое занятие Рима рассеялись, армия Кларка прочно застряла в развалинах Монте — Кассино, а еще 4 октября Рузвельт писал И. В. Сталину, что союзники будут в Риме «в ближайшие несколько недель». Поэтому обычное красноречие Черчилля, заявившего, «кто владеет Римом, тот владеет Италией», лишь убедило американских слушателей, что хозяева положения по-прежнему немцы. Совещание в Каире совпало с провалом операции, предпринятой по личной инициативе Черчилля: посланные им для занятия нескольких островов Додеканесского архипелага английские войска были в конце ноября разгромлены немцами. Англичане потеряли до 5 тыс. человек, 4 крейсера и 7 эсминцев были потоплены или повреждены. Особенно унижительно было то, что английский гарнизон на о. Лерос был разгромлен немецким десантом, в десять раз уступавшим по

численности оборонявшимся. Это неожиданное поражение не усилило аргументации Черчилля. На Тегеранской конференции, открывшейся 28 ноября 1943 г., Советское правительство высказалось в пользу открытия второго фронта во Франции в 1944 г. При этом Советский Союз руководствовался задачами сокращения сроков войны и верностью союзническим обязательствам. Хотя ко времени Тегеранской конференции было очевидно, что Советские Вооруженные Силы могут один на один разгромить гитлеровскую Германию и принести освобождение континенту Европы, правительство СССР приветствовало помощь союзников. Место второго фронта в борьбе антифашистской коалиции И. В. Сталин определял в послании Черчиллю так: «Речь идет о сохранении миллионов жизней в оккупированных районах Западной Европы и России и о сокращении колоссальных жертв советских армий». Приняв решение о том, что высадка англо-американских войск во Франции начнется 1 мая 1944 г., участники конференции заявили в «Декларации трех держав» по ее окончании: «Мы пришли к полному соглашению относительно масштабов и сроков операций, которые будут предприняты с востока, запада и юга».

В Тегеране американская делегация представила конкретный план расчленения Германии. Предусматривалось создание пяти германских государств: Пруссии, Ганновера, Саксонии, Баварии и Гессена. Важнейшие промышленные районы Германии — Рурская и Саарская области, а также Гамбург и Киль должны были перейти под международный контроль. 1 декабря 1943 г. Черчилль, поддержав основные положения американского плана, со своей стороны внес некоторые уточнения: «Я хотел бы, — заявил он, — отделить от Германии Баварию, Вюртемберг, Пфальц, Саксонию и Баден. В то время как с Пруссией и я поступил бы очень строго, для второй группы государств я бы допустил более легкое обращение. Я охотно способствовал бы их объединению в Дунайскую федерацию». Советская делегация не поддержала англо-американские предложения о расчленении Германии. Советский Союз твердо придерживался своей позиции, неоднократно сформулированной в официальных документах, что нельзя отождествлять клику Гитлера с германским народом, а союзники должны обеспечить условия для развития Германии как единого, миролюбивого и демократического государства.

Большое место в работе Тегеранской конференции заняло обсуждение дальневосточных проблем. Рузвельт видел задачу встречи с И. В. Сталиным и в том, чтобы договориться «об обмене информацией, а также о таком предварительном планировании, которое может быть подходящим при существующих условиях для возможных операций против Японии, когда Германия будет выведена из войны». Рузвельт предложил начать подготовку в Советском Приморье театра военных действий для войны против Японии, в том числе создание там баз для 1000 американских бомбардировщиков. И. В. Сталин заявил на Тегеранской конференции, что Советский Союз может вступить в войну с Японией после окончания боевых действий в Европе. По мнению Черчилля, это было «самое важное заявление из всех, сделанных на конференции». В Тегеране главы правительств подвергли рассмотрению проблемы послевоенного мира и международной безопасности. В «Декларации трех держав», подводя итоги конференции, они констатировали: «Мы уверены, что существующее между нами согласие обеспечит прочный мир. Мы полностью признаем высокую ответственность, лежащую на нас и на всех

Объединенных Нациях, за осуществление такого мира, который получит одобрение подавляющей массы народов земного шара и который устранил бедствия и ужасы войны на многие поколения... Мы прибыли сюда с надеждой и решимостью. Мы уезжаем отсюда действительными друзьями по духу и цели».

Каирские совещания

Одновременно с Тегеранской конференцией (24 ноября — 6 декабря 1943 г.) происходили англо-американские совещания в Каире, в которых принимали участие на различных этапах и по относящимся к ним вопросам представители Китая во главе с Чан Кай-ши, а также президент Турции Иненю. С последними неоднократно встречались Рузвельт и Черчилль. С Чан Кай-ши обсуждалась стратегия в войне с Японией, а в переговорах с Турцией Черчилль пытался склонить ее к вступлению в войну против Германии. Решения, принятые англо-американцами в Каире, основывались на принципиальной договоренности правительств СССР, США и Великобритании в Тегеране.

До встречи с И. В. Сталиным Рузвельт и Черчилль совместно с Чан Кай-ши утвердили планы широких операций в Юго-Восточной Азии — в Бирме и Бенгальском заливе с конечной целью изгнания японцев из Бирмы и восстановления связи с Китаем по суше. Принятие решения об открытии второго фронта в Европе и заявление И. В. Сталина о том, что СССР вступит в войну с Японией, привели к тому, что эти решения оставались в силе всего десять дней. С военной точки зрения расширение масштабов войны в Юго-Восточной Азии сковало бы значительные силы японской армии и могло способствовать ее быстрейшему истощению, что сократило бы сроки войны. Театр военных действий в Юго-Восточной Азии был подчинен британскому командующему Маунтбэттену. Англичане вели здесь войну, стремясь в первую очередь вернуть собственные владения и захватить колониальные территории других европейских держав, оккупированные японцами. Это прямо противоречило давнему желанию американских правящих кругов вытеснить империалистических конкурентов из стран Юго-Восточной Азии.

Когда в Каире накануне выезда в Тегеран Рузвельт согласился с перенесением центра тяжести в вооруженной борьбе против Японии в Юго-Восточную Азию, то тем самым президент хотел облегчить операции американских оперативных групп Нимица и Макартура на Тихом океане. Решение это, здоровое и обоснованное в военном отношении, было вынужденным, ибо оно таило для американцев указанные политические неудобства. Американские руководители с недоверием относились к целям Великобритании в войне против Японии. «Англичане, — говорил Рузвельт, — захватывают земли в любой части мира, даже если это просто скала или песчаная коса». Начальник штаба президента адмирал В. Леги писал: «Точные намерения англичан не были известны, однако прошлый опыт указывал, что если бы они взяли под контроль какие-либо голландские территории, было бы очень трудно заставить убраться оттуда». Соединенные Штаты, лицемерно выставляя лозунг «антиколониализма», вынашивали планы изгнания из стран Юго-Восточной Азии не только японцев, но и их бывших европейских владельцев, чтобы самим утвердиться в этих государствах. Вступление Советского Союза в войну с Японией, решили политические руководители США, даст возможность разгромить ее вооруженные силы в Северо-Восточном Китае и добиться общей капитуляции Японии до занятия хотя бы символическими военными контингентами европейских колониальных держав своих владений на Дальнем Востоке.

По возвращении из Тегерана в Каир Рузвельт, опираясь на договоренность с Советским правительством о втором фронте, добился отмены операций в Юго-Восточной Азии, так как главные ресурсы западных союзников должны были быть заняты в операциях в Нормандии и на юге Франции. Решение президента, хотя и соответствовало основополагающей стратегии западных союзников — Германия враг № 1, вызвало значительное недовольство военно-морского командования. Это был единственный случай за время второй мировой войны, когда Рузвельт использовал свои

конституционные prerogatives главнокомандующего и единолично отменил заключение американского комитета начальников штабов. Стратегия в войне с Японией в ожидании вступления Советского Союза в борьбу была определена следующим образом: наступление в направлении Новая Гвинея — Голландская Индия — Филиппины и занятие японских подмандатных островов. Военные действия в Китае и Юго-Восточной Азии, было записано в окончательных англо-американских решениях, «должны рассматриваться как вспомогательные в отношении основных операций в центральной и юго-западной частях Тихого океана». Так позиция Советского Союза, еще не принимавшего непосредственного участия в войне с Японией, определила лицо всех кампаний, предстоявших на Дальнем Востоке и Тихом океане.

1 декабря 1943 г. в Каире была опубликована декларация США, Великобритании и Китая. В декларации говорилось, что три указанные державы стремятся к тому, чтобы «лишить Японию всех островов на Тихом океане, которые она захватила или оккупировала с начала первой мировой войны 1914 года, и в том, чтобы все территории, которые Япония отторгла у китайцев, как например Маньчжурия, Формоза и Пескадорские острова, были возвращены Китайской республике. Япония будет также изгнана со всех других территорий, которые она захватила при помощи силы и в результате своей алчности». В декларации провозглашалось намерение вновь видеть свободной и независимой Корею. Каирская декларация была со стороны США и Великобритании признанием того факта, что Тайвань (Формоза) является неотъемлемой частью Китая. Каирская декларация стала также дополнительным правовым основанием для восстановления прав СССР на южную часть о. Сахалина и Курильские острова.

4—7 декабря 1943 г. в Каире состоялись переговоры Рузвельта и Черчилля с президентом Турции Иненю. Черчилль не щадил усилий, чтобы добиться скорейшего вступления Турции в войну. Это дало бы ему в руки дополнительные аргументы в пользу балканского варианта второго фронта, от которого он так и не отказался, несмотря на тегеранские решения. Турецкая делегация, однако, заняла крайне уклончивую позицию, настаивая в качестве предварительного условия на значительной помощи от Великобритании и США. Турецкое правительство панически боялось удара со стороны Германии. Американские командующие, рассмотрев турецкие заявки указали, что предоставление просимого «истощило бы все наши ресурсы до основания». Поэтому Рузвельт поддержал осторожную позицию Турции. В протокол англо-американского совещания были занесены слова президента: желание этих выдающихся и любезных господ «не быть застигнутыми в тот момент, когда у них спущены брюки, вполне понятно». 6 декабря генерал Эйзенхауэр был назначен командующим силами вторжения во Францию. Хотя согласие англичан с открытием второго фронта через Ла-Манш не было чистосердечным, отныне в попытках расширения масштабов войны на Средиземноморском театре они должны были полагаться на собственные ресурсы. *(В январе 1944 г. Черчилль на совещании с американскими командующими в Алжире вновь поднял вопрос об активизации боевых действий в восточной части Средиземного моря. В позе оратора в палате общин, держась за лацканы пиджака, он заявил: «Правительство Его Величества не может взять на себя ответственности, если не будет проведена операция против Родоса». Генерал Маршалл отрезал: «Ни один американский солдат не будет высажен на этом проклятом острове».)*

Обстановка на Западе накануне вторжения во Францию

Силы Германии на побережье. Ла-Манша и атлантическом побережье Франции целиком и

полностью определялись размахом сражений на советско-германском фронте. В январе 1944 г. немецко-фашистские войска были разгромлены под Ленинградом и отброшены в Прибалтику. В феврале — марте была наголову разбита южная группировка гитлеровских войск и освобождена Правобережная Украина. Советские армии достигли юго-западных границ нашей страны и вступили на территорию Румынии. В апреле — мае фашистские войска были изгнаны из Крыма и Одессы.

К маю 1944 г. на советско-германском фронте находилось 228 дивизий и 23 бригады Германии и ее сателлитов, в Западной Европе дислоцировалось 59 гитлеровских дивизий. Около половины из них реорганизовались или находились в стадии формирования. Военно-воздушные силы Германии на Западе насчитывали до 500 самолетов, однако только 90 истребителей и 70 бомбардировщиков были пригодны к боевому использованию.

Цифры количества германских дивизий на Западе еще недостаточны для оценки положения. За ними обычно крылись очень слабые соединения, имевшие большой недокомплект личного состава, вооружения и транспорта. Целая дивизия — 70-я — была укомплектована солдатами и офицерами, страдавшими желудочными заболеваниями. Был батальон тугих на ухо и т. д. Когда усилиями гитлеровских командующих на Западе удавалось создать боеспособную дивизию, из Берлина, как правило, поступал приказ перебросить ее на Восточный фронт. «Русские, — признавал Рунд-штедт, — являлись угрозой и срывали подготовку операций во Франции». Другой бывший гитлеровский генерал — Циммерман свидетельствует: «Можно сказать без преувеличения, что Восточный фронт настойчиво выкачивал из немецких армий, находившихся на Западе, всю боеспособную живую силу и боевую технику. Вследствие этого тактические и организационные мероприятия на Западе сводились к затыканию дыр. Командиры, войска и боевая техника, откровенно говоря, стали второраз рядными. С 1943 г. основу немецких войск Западного фронта составляли старики, оснащенные устаревшим вооружением». Наконец, пишет Гудериан, «тяжелые кровопролитные зимние бои совершенно выбили из колеи главное командование сухопутных войск. Не могло быть и речи о подготовке сил для Западе, где весной 1944 г. союзные державы наверняка должны были высадить десант».

Германская оборона на Западе опиралась на «Атлантический вал» — систему укреплений вдоль побережья. Его строительство, так и не законченное (на июль 1944 г. на побережье Ла-Манша было завершено 68% работ, а в районе вторжения в Нормандии — 18%), поглотило огромные средства и привело к разоружению «линии Зигфрида», с которой было снято крепостное оборудование, приборы, бронеколпаки и даже колючая проволока. Главное — для занятия «Атлантического вала» не хватало войск. Немалое значение для последующей высадки англо-американцев имело и то, что в Берлине так и не смогли определить район вторжения. До мая 1944 г. наиболее вероятным участком высадки считалось побережье Ла-Манша, где дислоцировалась 15-я немецкая армия.

В мае Гитлер чисто умозрительно, без каких-либо оснований, указал на Нормандию, побережье которой обороняла более слабая, 7-я армия. Штаб Рундштедта не мог не согласиться с мнением фюрера, однако продолжал настаивать, что основное вторжение следует ожидать на побережье Ла-Манша, а в Нормандии англо-американцы проведут отвлекающую операцию. В основу этих оценок легло преувеличенное представление гитлеровцев о военных возможностях западных союзников, возникшее в результате межведомственной борьбы в германской разведке.

Германская военная разведка — абвер — совершила ряд промахов, не сумев предсказать

высадки в Северной Африке и Сицилии. В последнем случае было ошибочно указано, что союзники нанесут удар по Сардинии. Эти ошибки скомпрометировали абвер в глазах гитлеровского руководства, чем воспользовалось соперничавшее ведомство Гимmlера. Тогда, чтобы восстановить свою репутацию, руководители военной разведки поместили на Британских островах в дополнение к известным еще 30 несуществующих дивизий. Соответствующие флажки появились на картах в германских штабах, однако снять их оказалось труднее, когда с марта 1944 г. военная разведка была поставлена под контроль гестапо Гимmlера. Гестаповские чиновники, самоуверенно считавшие себя проницательными разведчиками, отправились в нейтральные страны для сбора информации, которой, разумеется, неправильной, их в изобилии снабдила англо-американская служба контршпионажа. После войны в архивах германской разведки было найдено свыше 250 донесений о времени и месте высадки и только одно из них оказалось правильным. В конечном счете англо-американцы имели на Британских островах накануне вторжения около 50 дивизий, из них 37 предназначались к высадке, в германских штабах значились цифры 94—98 дивизий.

Разногласия между Гитлером и командующими, а также между последними по тактическим вопросам еще более осложняли подготовку к отражению вторжения. Главнокомандующий на Западе фельдмаршал Рундштедт публично настаивал: «Мы, немцы, не проникнуты духом усталости линии Мажино». Он предлагал создать подвижные резервы и атаковать высадившиеся войска. Гитлер и командующий фронтом, направленным против предполагаемого вторжения, Роммель стояли за то, чтобы не дать англо-американцам даже зацепиться на побережье, а без промедления сбросить их в море. Роммель формулировал задачу войск так: «Наивысшая линия прилива станет главным фронтом борьбы». К заключению о преимуществах позиционной войны генерал-танкист Роммель пришел на основании опыта Африки: без авиационной поддержки вести маневренную войну нельзя. Гитлер держался за жесткую оборону по иным причинам: окопная война 1914—1918 гг. оставила глубокий след в памяти фюрера. Понятно, что в конечном итоге возобладала точка зрения Гитлера. Рундштедт язвительно заметил позднее: «Единственная моя прерогатива в качестве главнокомандующего на Западе заключалась в смене караула перед воротами штаба». 69-летний фельдмаршал совершенно упускал из виду, что его соображения о значении резервов перечеркивала действительная обстановка. Их не было.

По ту сторону Ла-Манша обстановка была диаметрально противоположной. Узким местом оказалась не проблема людских и материальных ресурсов, а пропускная способность портов и, в меньшей степени, транспортные возможности, в том числе десантно-высадочные средства. Чтобы обеспечить хозяйственное и техническое обслуживание войск в районах сосредоточения перед посадкой на суда, англо-американцы, например, спокойно пошли на расформирование целой танковой дивизии. Южная часть Англии была буквально забита войсками и боевой техникой. Для переброски и высадки войск в английских портах было сосредоточено более 4 тыс. десантных кораблей, судов и барж, около 1300 торговых и вспомогательных судов, более 1200 военных кораблей, в том числе 7 линкоров и 23 крейсера. К началу вторжения в распоряжении англо-американцев было 1467 тяжелых бомбардировщиков, 1645 средних и легких бомбардировщиков, 5049 истребителей, 2316 транспортных самолетов. В первом эшелоне десанта предстояло посадить 185 тыс. человек и 19 тыс. боевых и транспортных машин.

По мнению англо-американских стратегов, воздушные бомбардировки Германии и оккупированных территории должны были значительно облегчить действия вооруженных сил США и Англии на континенте Европы. До первой половины 1943 г. бомбардировки

Германии осуществлялись только силами английских ВВС, американцы не сбросили ни одной бомбы. За 1943 г. вес бомб, сброшенных ВВС США, в восемь раз уступал весу бомб, сброшенных англичанами. Только с весны 1944 г. американские военно-воздушные силы стали сбрасывать больше бомб, чем английские. Налеты англо-американской авиации причинили большой ущерб мирному населению Германии и оккупированных областей, однако они имели ограниченное военное значение. Бомбардировки по «площадям» жилых кварталов с целью подрыва морального духа населения мало затрагивали военный потенциал гитлеровской Германии. Сопоставление данных о весе сброшенных бомб и производства важнейших видов вооружения гитлеровской Германией наглядно показывают это. Чтобы картина оказалась наиболее поучительной, берутся 1943 и 1944 гг., т. е. период интенсивного воздушного наступления англо-американцев на Германию.

Годы	Сброшено бомб в тоннах	Производство	
		самолётов	танков
1943	206 200	25 527	5996
1944	1 201 500	39 807	8344

Командующий британской бомбардировочной авиацией маршал Гаррис отмечает: «Следует особенно подчеркнуть, что, кроме как в Эссене, мы никогда не делали объектом налета какой-нибудь определенный завод. Разрушенное предприятие в городе мы всегда рассматривали как дополнительную удачу. Главной нашей целью всегда оставался центр города. Все старые немецкие города наиболее густо застроены к центру, а окраины их всегда более или менее свободны от построек. Поэтому центральная часть городов особенно чувствительна к зажигательным бомбам. Целью наших бомбардировок было остановить военное производство. Мы надеялись достигнуть этого с таким же успехом путем косвенного воздействия, то есть разрушением жилых помещений и жизненно важных учреждений». В огне пожаров от фугасных бомб гибли сотни тысяч мирного населения. Только в центральной и западной частях Германии было убито минимум 500 тыс. человек, а 620 тыс. тяжело ранено. Женщин погибло на 40% больше, чем мужчин, 20% среди убитых составляли дети. Во время отдельных бомбардировок погибали десятки тысяч людей: в Гамбурге — до 40 тыс., в Касселе — 9 тыс. и т. д.

С весны 1944 г. в качестве прелюдии к вторжению начались действия военно-воздушных сил США и Англии против объектов во Франции. Союзная авиация уделяла основное внимание разрушению железнодорожной сети. В результате к началу высадки индекс перевозок по французским железным дорогам снизился до 38 (за 100 принимается январь — февраль 1944 г.). Если учесть, что германские войска во Франции были в основном лишены транспорта, отправленного на советско-германский фронт, то это было внушительным достижением. Однако были ли оправданы чрезмерные жертвы среди французского населения и не было ли иных путей лишить подвижности гитлеровские дивизии? Французский комитет национального освобождения в меморандуме правительствам США и Англии 5 мая 1944 г. указал: «Во многих случаях создается впечатление, что потери и ущерб, которые влекут за собой воздушные бомбардировки для населения, не соответствуют достигнутым результатам военного характера». ФКНО предложил взять на себя проведение хотя бы части операций, используя для этого силы сопротивления во Франции. Это и другие предложения комитета национального освобождения правительства США и Англии оставили без внимания. Черчилль ограничился лаконичным замечанием авиационным командующим: «Боюсь, что вы

накапливаете громадный груз ненависти».

В целом союзное бомбардировочное наступление против Германии не оправдало возлагавшихся на него надежд. Растрата ресурсов была несоизмерима с достигнутыми результатами. В Соединенных Штатах 35—40% военного производства шло на удовлетворение нужд авиации, в Англии — соответственно 40—50%. По мере усиления германской противовоздушной обороны росли и потери: при налете на Швейнфурт 14 октября 1943 г. из 291 американской «летающей крепости» не вернулось 60, во время бомбардировки Нюрнберга в ночь с 30 на 31 марта 1944 г. из 795 английских бомбардировщиков было потеряно 94. Экипаж «летающей крепости» состоял из 10 человек, английского бомбардировщика — из 7. Всего за войну англо-американская авиация потеряла более 140 тыс. человек летного состава. Бомбардировки Германии в той форме, в которой они проводились, свидетельствовали об узости мышления англо-американских стратегов. Английский военный писатель Д. Фуллер подчеркивает: «Вместо того чтобы сократить войну, они только затянули ее, ибо потребовали излишнего расхода сырья и рабочей силы».

К весне 1944 г. Соединенные Штаты находились в войне свыше двух с половиной лет. Предшествующее крещение огнем американской армии, однако, было лишь детской игрой по сравнению с тем, что вынесли на своих плечах Советские Вооруженные Силы. Один только пример. В апреле 1944 г. в Москву прибыла американская военная миссия, чтобы ознакомиться с выставкой трофейного немецкого вооружения в парке имени А. М. Горького. Выставка эта была давно изучена московскими мальчишками, но для американских специалистов она оказалась откровением. В официальной американской истории участия армии США в войне по этому поводу сказано следующее: «Собрание германской боевой техники на выставке в Москве было настолько обширным, что она заслуживала самого серьезного изучения. Многие образцы были совершенной новинкой для американских экспертов в то время. Возможно, самыми ценными оказались германские 88 миллиметровые и 75/55 миллиметровые противотанковые орудия, по одному такому орудью американцам разрешили отправить на родину». Эти орудия давным-давно перестали быть новинкой для советских воинов, которые захватывали их в бою. Вооруженные силы США получили их в качестве трофеев в апреле 1944 г. с выставки в Москве. И далее: «Ответственность за выставку нес русский генерал-майор, который имел большой штат специалистов, охотно разъяснявших американцам примечательные особенности трофейного вооружения. Американские эксперты сделали многочисленные снимки и отослали в США длинные доклады обо всем увиденном. В США было отослано также значительное количество образцов боевой техники».

Вторжение во Францию

Накануне вторжения, 6 июня 1944 г., тяжкие сомнения терзали как англо-американское командование, так и войска. Некоторые поговаривали даже о том, что потери в первом эшелоне достигнут 90% личного состава. В штабе Эйзенхауэра иные пророчествовали: «Волны в Ла-Манше будут красными от крови американских и английских юношей, а пляжи покроют их трупы». В действительности высадка во Франции прошла с незначительными потерями. В первый день операции войска США, Англии и Канады потеряли около 2,5 тыс. убитыми. Союзная авиация сделала в этот день 10585 боевых самолетовылетов и 1730 вылетов транспортных самолетов. Ни одной машины из-за противодействия авиации противника потеряно не было, ибо сопротивление в воздухе отсутствовало. «В узком проливе Ла-Манш, — вспоминает генерал Брэдли, — мы не могли рассчитывать на то, чтобы проскользнуть незамеченными. В ясный день самолет, летящий на высоте 3000 метров над Гавром, может прекрасно наблюдать за

Саутгемптоном. Радиолокационные станции врага были расположены вдоль всего французского побережья Ла-Манша, торпедные катера каждую ночь несли регулярную патрульную службу... Никогда за время войны в Европе Геринг не смог бы найти таких соблазнительных целей для бомбардировки». Цели были, но у гитлеровцев не было самолетов, — они находились на советско-германском фронте.

Для вторжения во Францию была избрана Нормандия, где на протяжении около 80 км побережья Сенекой бухты (от залива Вей до устья реки Орн) происходила высадка с моря. Нормандскую десантную операцию открыли три воздушнодесантные дивизии союзников, выброска которых началась в тылу «Атлантического вала» в 0.15 6 июня 1944 г. С рассветом к побережью Нормандии подошел союзный флот. После массовой бомбардировки с воздуха и артиллерийского обстрела орудиями главных калибров флота американские, английские и канадские солдаты устремились к побережью. В боевых порядках войск, перебрасываемых специальными плоскодонными десантными судами, находились танки, оборудованные для передвижения по морю. В общей сложности 6 июля высадились основные силы пяти пехотных и трех воздушнодесантных дивизий, несколько танковых полков и бригад, а также отряды специального назначения — диверсионно-десантные британские «Коммандос» и американские «Рейнджеры». К 12 июня на плацдарме, имевшем протяженность 80 км по фронту и 13—18 км в глубину, уже было 16 союзных пехотных и 3 танковых дивизии. Англо-американские войска закрепились на побережье, по дну Ла-Манша были проложены бензопроводы, срочно сооружались порты. Происходило быстрое наращивание сил. Ближайшей задачей американских войск был захват полуострова Котантен с Шербуром, британских — овладение городом Кан.

Гитлеровские войска, расположенные на побережье Нормандии, оказали в общем слабое сопротивление, хотя на отдельных участках, особенно в американском районе высадки, вспыхнули ожесточенные схватки. Однако в Берлине не сделали своевременных выводов, даже когда стало ясно, что в Нормандии англо-американцы высаживаются крупными силами. Переоценив количество войск, находившихся на Британских островах, почти вдвое, гитлеровское руководство по-прежнему ожидало главной высадки на побережье Па-де-Кале. 17 июня Рундштедт и Роммель предложили Гитлеру искать «политическое решение», обратившись к западным державам. Гитлер резко оборвал командующих, настаивая на энергичных контратаках. Но сил для этого не было, — в результате начавшегося 23 июня 1944 г. наступления советских армий германский фронт на Востоке оказался на грани полного крушения.

Это наступление было обещано Советским правительством на Тегеранской конференции. Правительства США и Англии придавали ему первостепенное значение. Американский историк Г. Файс пишет: англо-американское командование «рассчитывало на него при планировании вторжения, полагалось на него, когда пришел срок и надо было принять окончательное решение. И, забегая вперед, следует отметить: когда обещание было выполнено и советские армии начали свое наступление в соответствии с общим планом, командование войск западных союзников не только высоко оценило это, но и находилось под глубоким впечатлением событий», развернувшихся на советско-германском фронте. Последствия советского наступления уже в начале июля далеко вышли за пределы советско-германского фронта. Бывший гитлеровский генерал Гудериан отмечал: «На Восточном фронте развивались события, непосредственно приближавшие чудовищную катастрофу... На главных направлениях (Варшава и Рига) наступление, казалось, будет продолжаться безостановочно... Мы понесли громадные потери ... Все наличные силы были брошены на разваливавшийся фронт». Поставив гитлеровскую армию перед лицом катастрофы, советские армии дали возможность англо-американцам планомерно

22.6. 41	214	7	152	2	69,6	2	-	0,9	60	5	29,5
1.1.4 2	222	11	156	7	70,0	3	-	1,3	63	4	28,7
1.7.4 2	239	5	182	4	76,3	3	-	1,2	54	1	22,5
1.1.4 3	293	5	207	4	70,8	6	-	2,0	80	1	31,1
1.7.4 3	294	5	195	2	66,0	8	-	2,7	91	3	31,3
1.1.4 4	315	10	198	6	62,7	19	1	6,2	98	3	31,1
1.7.4 4	333	8	172	5	51,8	98	-	28,8	63	3	19,5
1.1.4 5	288	25	269	20	60,6	105	4	34,9	14	1	4,5

Заговор в Германии 20 июля 1944 г.

Осознание неминуемого поражения Германии подтолкнуло к активным действиям группу заговорщиков против Гитлера, которая сложилась в правящих кругах Германии. «Буржуазные круги, — отмечает В. Ульбрихт, — привели Гитлера к власти и поддерживали политику германо-фашистского империализма до тех пор, пока ему сопутствовали военные успехи. Но теперь, накануне катастрофы, они пытались спрыгнуть с поезда, мчащегося к пропасти, в надежде сохранить основы господства монополистического капитала». Заговор империалистической верхушки Германии в основе своей носил антинародный характер. Все свои надежды на будущее заговорщики связывали с тем, что, устранив Гитлера, им удастся договориться с США и Англией в антисоветских целях.

Контакты между разведками США и Англии к лету 1944 г. значительно окрепли. Филиал американской разведки в Швейцарии, работавший под руководством А. Даллеса, связался с группой Бека-Герделера. В апреле 1944 г. Даллес сообщает в Вашингтон: «Война приближается к кульминационному пункту. Группа Герде-лера-Бека активизировалась. Она стремится устранить Гитлера, заключить сепаратный мир с США и Англией и продолжить войну на Востоке». В начале мая Даллес сообщает правительству США сущность переданного ему плана заговорщиков: «Антигитлеровские генералы откроют дверь перед английскими и американскими войсками для оккупации Германии, в то время как против России они будут удерживать все фронты».

Среди заговорщиков выделилось левое крыло, возглавлявшееся полковником Штауфенбергом. Он был искалечен на фронте и после выздоровления назначен начальником штаба армии резерва. Штауфенберг и его немногочисленные сторонники придерживались патриотических убеждений, они стояли за развитие Германии по демократическому пути и желали прекращения военных действий на всех фронтах. Представители Штауфенберга попытались установить контакт с германскими коммунистами-подпольщиками, но неудачно — гестапо удалось арестовать коммунистов, посланных для налаживания связей. Штауфенберг взял на себя самую трудную часть заговора — покушение на Гитлера. Он хотел застрелить Гитлера, но от этого намерения

пришлось отказаться — у Штауфенберга была потеряна одна рука, а другая искалечена. Было решено организовать взрыв. Дальнейший план действия предусматривал, что по получении в Берлине известий о смерти Гитлера там будет произведен государственный переворот. Главой правительства был намечен Бек.

20 июля в ставке Гитлера в Раценбурге в Восточной Пруссии происходило совещание. День был жаркий и собрались не в бетонированном подземном бункере, как обычно, а в легком бараке, окна которого были открыты настежь. На совещание прибыл Штауфенберг. После краткого доклада он попросил разрешения выйти, сославшись на срочный телефонный разговор. Штауфенберг оставил у стола совещания портфель, шепнув генералу, стоявшему рядом: «Присмотрите за ним. Там секретные документы». Через несколько минут в комнате раздался сильный взрыв, — сработала бомба, спрятанная в портфеле. Трое присутствовавших были убиты, но Гитлер отделался ушибами и контузией. Бомба, рассчитанная на замкнутое помещение подземного бункера, оказалась малоэффективной в открытом бараке. Штауфенберг слышал взрыв и, решив, что покушение удалось, немедленно вылетел в Берлин, где заверил в этом заговорщиков. Они явились к командующему армией резерва Фромму, потребовав, чтобы он отдал условный сигнал «Валькирия», по которому должен был начаться путч. Однако Фромм, обещавший поддержку заговорщикам, заколебался. Он связался по телефону со ставкой Гитлера и узнал, что Гитлер жив. Тогда заговорщики наложили на Фромма домашний арест и сами дали сигнал «Валькирия». Только в Париже генерал Штюльпнагель арестовал эсэсовцев, все остальные командующие, даже посвященные в заговор, не пошевелили пальцем.

В Берлине участники заговора, узнав о том, что Гитлер уцелел, трусливо притихли и попытались скрыться. Командир охранного батальона Ремер, который должен был занять имперскую канцелярию, вместо этого окружил военное министерство и арестовал всех попавших под руку заговорщиков. Фромм, освобожденный из-под ареста, поторопился замести следы: по его приказу Штауфенберг и несколько других участников заговора вечером 20 июля были расстреляны во дворе военного министерства. Беку вручили револьвер, предложив покончить самоубийством, однако он только ранил себя. Тогда Фромм собственноручно добил его. Впрочем, самому Фромму спастись не удалось: через несколько недель он был казнен по приказу Гитлера. Гиммлер, знавший о подготовке заговора, не принял мер по пре сечению его, ограничившись тем, что избегал быть вместе с фюрером. Но как только стало известно о неудаче покушения, гестапо проявило необыкновенное рвение. По Германии прокатилась волна арестов. Роммелю, находившемуся на излечении, Гитлер предложил выбор: либо суд, либо самоубийство. Роммель предпочел последнее. Арестованный Штюльпнагель принял яд, но неудачно — он ослеп. Вскоре его казнили. В сентябре был схвачен Герделер, который вел себя на следствии крайне трусливо, выдав многих единомышленников. Это не помогло ему, он был также казнен. В общей сложности после 20 июля в Германии было казнено 4980 человек, не менее 10 тысяч заключено в концлагерь. Однако несколько генералов, участников заговора, были пощажены Гитлером, поскольку они выдали своих единомышленников. Среди них были Шпейдель и Хойзингер. Ныне оба занимают видные посты в бундесвере и системе НАТО.

После 20 июля подозрительность Гитлера не знала пределов. 45 августа фельдмаршал Клюге на несколько часов потерял связь со штабом, попав под обстрел союзных истребителей. Явившись к вечеру в штаб, он рас сказал, что машина с радиоустановкой была разбита, а сам фельдмаршал провел большую часть дня в канаве, укрываясь от огня. Из этого факта Гитлер сделал далеко идущие выводы, заявив Кейтелю и другим командующим: «Фельдмаршал Клюге собирался капитулировать вместе со всей армией на

Западе, а сам перейти к неприятелю... План не удался из-за налета истребителей-бомбардировщиков противника». Ключе был смещен и отозван в Германию. 18 августа он покончил с собой, оставив письмо Гитлеру. В письме Ключе заклинал фюрера пойти на мировую с США и Англией прежде всего, чтобы избежать установления «большевизма» в Германии. Гитлер, получив письмо Ключе, заявил: «Время еще не созрело для политического решения... Я не упущу такой возможности, но в период тяжелых военных поражений было бы наивно и по-детски надеяться, что наступил политически выгодный момент для действий... Придет время, когда напряжение в отношениях между союзниками усилится, и несмотря ни на что произойдет разрыв... Я собираюсь продолжить борьбу, пока не возникнет возможность мира на приемлемых условиях» Ожидание обострения противоречий между тремя великими державами отныне вдохновляло гитлеровское руководство на продолжение войны, приносившей огромные жертвы и страдания прежде всего германскому народу. Провал верхушечного заговора 20 июля выбил почву из-под ног тех англо-американских политиков, кто рассчитывал на бескровное занятие вооруженными силами США и Англии всей Германии. Надежды на внутренний крах Германии не оправдались. Путь к победе по-прежнему лежал через поля сражений. А это в свою очередь требовало сохранения и упрочения отношений с Советским Союзом. Антигитлеровская коалиция крепла в результате самого развития событий: без СССР победа над гитлеровской Германией была бы невозможна. В то же время в Вашингтоне и Лондоне отчетливо понимали, что Советский Союз может разгромить Германию собственными силами.

Кризис фашистского блока

К лету 1944 г. правящие круги стран-сателлитов не могли не видеть безнадежности своего положения, но они стремились выйти из войны так, чтобы не допустить освобождения государств Восточной Европы советскими армиями. В этих целях с 1943 г., сразу же после Сталинграда, антинародные правительства сателлитов Германии завязывают связи с Вашингтоном и Лондоном.

Хорти в Венгрии и Антонеску в Румынии, болгарский царь Борис и Рюти в Финляндии — все они через тайных эмиссаров старались заверить правящие круги США и Англии, что смысл участия стран-сателлитов в войне на стороне Германии заключался в создании «барьера» против СССР в Восточной Европе. Реакционная печать в этих странах начиная с 1943 г. открыто пишет, что они могут стать «антисоветскими часовыми». Глава тогдашнего венгерского правительства Каллаи, например, позднее рассказывал о цели тайных переговоров Венгрии с США и Англией: «Мы полагали, что, хотя англо-американцы были далеки от Центральной Европы, их политика дойдет до нас. Мы считали, что войска США и Англии придут к нам раньше русских и эти державы определят будущее Центральной и Юго-Восточной Европы». По словам бывшего румынского посланника в Турции Крет-циану, в Бухаресте были убеждены, что «западные союзники больше заинтересованы в предупреждении советского вторжения в Европу, чем в уничтожении гитлеровского режима». Аналогичными соображениями руководствовались правители Болгарии и Финляндии.

В конце лета 1944 г., после успешных наступательных операций советских войск, запросила мира Финляндия. Советское правительство согласилось вступить в переговоры на условиях, что Финляндия разрывает отношения с Германией и в течение двух недель со дня принятия этого предложения (во всяком случае не позднее 15 сентября) германские войска должны быть выведены из страны. 4 сентября правительство Финляндии приняло условия перемирия, и 19 сентября в Москве оно было подписано представителями СССР и Англии от имени всех государств Объединенных Наций, находившихся в войне с

Финляндией. По условиям перемирия финские войска отводились за линию границы, установленную договором 12 марта 1940 г. Финляндия обязывалась вернуть СССР область Печенга, предоставляла СССР в аренду базу в районе Порккала-Удд. (В 1955 г. СССР отказался от своих прав аренды, и в начале 1956 г. советские войска были выведены из Порккала-Удд.) Советское правительство согласилось помочь Финляндии в разоружении германских войска на ее территории, которые передавались СССР в качестве военнопленных. Однако, поскольку военная обстановка этого не требовала, оккупации территории Финляндии не предусматривалось. (Финляндии после выхода из войны пришлось расплатиться за ту «помощь», которую Англия и Франция предоставили ей в 1940 г. В декабре 1945 г. президент Финляндии Паасикиви говорил на пресс-конференции: «Мы вынуждены взять на себя обязательство возместить Англии затраты за ту помощь, которую она нам оказала во время зимней войны. В настоящее время и Франция выдвигает подобные же требования, хотя, вообще говоря, мы предполагали, что помощь оказывалась нам бесплатно и от чистого сердца».)

20 августа 1944 г. открылось советское стратегическое наступление на юго-востоке Европы. За одну неделю — до 27 августа — основные силы германской группы армий «Южная Украина» были разгромлены, советские войска начали освобождать территорию Румынии и оказали братскую помощь румынским патриотам, поднявшимся против антинародного режима Антонеску. В Румынии уже в мае 1944 г. сложился единый рабочий фронт коммунистической и социал-демократической партий. 23 августа фашистские правители были арестованы в Бухаресте, что явилось сигналом для восстания. Между тем как Антонеску, так и буржуазная оппозиция вынашивали планы подписать перемирие с Англией и США при условии немедленного прибытия в страну англоамериканских войска, в первую очередь воздушнодесантных. 24 августа Румыния заявила о выходе из войны на стороне Германии, а 25 августа объявила ей войну. 12 сентября в Москве представителями СССР, Англии и США было подписано соглашение о перемирии с Румынией. Румыния, выступив на стороне Объединенных Наций, вела активные боевые действия против врага. Вслед за дивизией «Тудор Владимиреску», сформированной в СССР из румынских добровольцев, на фронт выступили другие румынские части. В общей сложности вместе с советскими войсками на заключительном этапе войны сражалось до 29 румынских дивизий.

Ряд условий, обеспечивших демократический характер соглашения о перемирии с Румынией (запрещение фашистских организаций, наказание военных преступников, положения, предусматривавшие демократизацию общественной и политической жизни в стране), был внесен по настоянию СССР. США и Англия были вынуждены согласиться с ними. Подоплека этого видна из переписки Черчилля и Рузвельта. 11 июня Черчилль писал, настаивая, чтобы США согласились с решающей ролью СССР в заключении перемирия с Румынией: «Было бы хорошо следовать советской инициативе, тем более, что ни вы, ни мы не имеем там никаких войска... Кроме того, я полагаю, что их условия... весьма разумны и даже великодушны». Блистательные военные успехи советских войска обеспечили согласованные решения трех великих держав.

Преступная политика болгарских правителей давно образовала пропасть между ними и народом. Еще в 1942 г. в Болгарии возник Отечественный фронт, объединивший прогрессивные силы народа в борьбе против германского фашизма и болгарской реакции. Ведущую роль в Отечественном фронте играли коммунисты. К середине 1944 г. в партизанских отрядах было до 30 тыс. вооруженных бойцов, а всего в движении Сопротивления принимало участие около 200 тыс. человек. Стремясь сохранить свои позиции, правящие круги Болгарии вступили в переговоры с Англией и США, добиваясь ввода англо-американских войска в страну. Они хотели подписать сепаратный мир с

Англией и США. В Каире, куда прибыли болгарские представители, англичане заверили их, что оккупация Болгарии начнется в самое ближайшее время, сначала силами греко-турецких войск, за которыми последуют англо-американцы. В этот критический момент Советский Союз пришел на помощь болгарскому народу.

5 сентября СССР объявил войну царскому правительству, 8 сентября советские войска вступили на территорию Болгарии. В ночь на 9 сентября в стране вспыхнуло всенародное восстание. Было создано правительство Отечественного фронта. Болгарский народ восторженно встретил своих освободителей, в «войне» между СССР и Болгарией не было ни одного убитого. Болгария объявила войну гитлеровской Германии, в боевых действиях приняло участие до 12 болгарских дивизий. Подъем революционного движения в стране, дружественные отношения, установившиеся между СССР и Болгарией, вызвали бешеную злобу англо-американских политиков. Советское правительство во время разработки условий перемирия с Болгарией дало отпор попыткам Англии и США навязать болгарскому народу кабальные требования. Соглашение о перемирии с Болгарией, подписанное в Москве 28 октября 1944 г., оградило суверенитет страны от происков англо-американской реакции.

В начале октября 1944 г. началось наступление советских войск в направлении г. Дебрецен. С тяжелыми боями советские солдаты преодолели Главный Карпатский хребет и вступили в Трансильванию. Правящая клика Венгрии лихорадочно искала выхода из положения. К этому времени гитлеровцы, не доверявшие своему последнему сателлиту, сосредоточили на территории Венгрии крупные силы. 22 сентября 1944 г. хортисты направили в Неаполь своего представителя, который пытался добиться заключения перемирия с США и Англией. В середине октября собрался коронный совет, на котором было принято решение обратиться с просьбой о перемирии к трем великим державам. Участники совещания считали: «Если мы заключим перемирие теперь, можно надеяться, что одновременно с русскими или сразу же после их вступления в Будапешт придут английские и американские уполномоченные». 15 октября венгерское радио передало соответствующую просьбу Хорти. Гитлеровцы немедленно разогнали правительство Хорти и поставили у власти венгерского фашиста Салаши, объявленного «фюрером венгерской нации». Новое правительство обязалось продолжить войну на стороне Германии.

В декабре 1944 г. на освобожденной советскими войсками венгерской территории в городе Дебрецен собралось временное Национальное собрание. Оно образовало временное правительство, которое заявило о разрыве с Германией и 28 декабря объявило ей войну. 26 января 1945 г. в Москве представители СССР, США и Англии подписали перемирие с Венгрией.

Стратегическое наступление Советских Вооруженных Сил осенью 1944 г. имело не только огромное военное, но и политическое значение: под ударами советского оружия окончательно распался блок европейских держав «оси». Румыния, Венгрия и Болгария объявили войну гитлеровской Германии. Народы этих стран благодаря братской помощи СССР освободились от фашизма и получили возможность строить свою жизнь на демократических началах. Не менее важным было и то, что Советские Вооруженные Силы предотвратили англо-американскую оккупацию. Советские солдаты изгнали фашистских погромщиков и преградили путь новым претендентам на господство в странах Восточной и Юго-Восточной Европы.

Провал попыток США и Англии

воскресить «санитарный кордон»

Чем ближе была победа, тем больше внимание правительства Англии и США уделяли Восточной и Юго-Восточной Европе. Если в отношении бывших сателлитов Германии они практически ничего не могли сделать, ибо эти страны потерпели поражение и были заняты советскими войсками, то по-иному складывалась обстановка в государствах, оккупированных гитлеровцами, но являвшихся членами Объединенных Наций. В Лондоне обосновались эмигрантские польское, чехословацкое, югославское, греческое и другие правительства. Фактически эти правительства утратили связи со своими народами. Во всех странах, оккупированных державами «оси», развернулось мощное движение Сопротивления, выдвинувшее собственных руководителей. Политическую обстановку в этих странах, как правило, определяли не инструкции эмигрантов, а развитие освободительной борьбы.

Правящие круги Англии и США, поддерживая эмигрантские правительства, пытались вернуть их на родину, игнорируя огромные сдвиги, происходившие в странах Восточной и Юго-Восточной Европы. Англо-американская реакция надеялась таким образом восстановить «санитарный кордон» вдоль западных границ Советского Союза. Советское правительство считало, что при решении политического будущего соответствующих стран необходимо учитывать прежде всего волю их народов. В передовой статье «Известий» еще 18 ноября 1943 г. указывалось: «Эмигрантские правительства оккупированных немцами малых стран, как недостаточно крепко связанные со своими народами, не смогут обеспечить в полной мере выражение действительной воли своих народов». Это, однако, не означало, что СССР не считался с точкой зрения эмигрантских правительств. Напротив, когда они стояли на почве фактов, сотрудничество было неизменно плодотворным. Так, вопреки противодействию Англии и США, 12 декабря 1943 г. был подписан советско-чехословацкий договор, а 8 мая 1944 г. — советско-чехословацкое соглашение, регулировавшее вопросы, связанные с вступлением советских войск на территорию Чехословакии. По этому соглашению предусматривалось восстановление гражданской администрации в освобожденных районах Чехословакии, как только они перестанут быть зоной непосредственных военных действий. Это соглашение выгодно отличалось от аналогичных документов, которые США и Англия подписывали со странами Западной Европы. Там момент перехода власти местным органам отодвигался на неопределенный срок.

В соглашениях США и Англии с эмигрантскими правительствами Бельгии и Голландии, например, оговаривалось требование о реставрации монархической власти, очень широко толковалась юрисдикция союзного командования. С Францией США и Англия так и не смогли подписать соглашения, ибо ФКНО находил предлагавшиеся условия несовместимыми с честью французской нации. Де Голль пишет об обращении Эйзенхауэра, оглашенном в день вторжения: «Он предлагал французам «выполнять все его приказы». Он уже решил, что «все должны остаться на местах и выполнять свои обязанности — впредь до особого распоряжения» и что, как только Франция будет освобождена, «французы сами изберут своих представителей в свое правительство». Короче говоря, он делал вид, будто на нем лежит ответственность за нашу страну, между тем как для нее он был всего лишь генералом союзной армии, умелым войсковым командиром, не имеющим, однако, никакого права управлять ею, да к тому же он оказался бы в крайне затруднительном положении, если бы ему действительно пришлось делать это». Не случайно представитель ФКНО в СССР во время беседы в НКВД говорил: «Чехословацкое правительство оказывается в более благоприятном положении, чем другие, в том числе и Франция, так как Чехословакия будет освобождена Красной Армией

и поэтому, несомненно, гражданское управление будет организовано на более демократической основе». Он «выразил надежду, что пример Чехословакии окажет положительное влияние на принятие окончательного решения союзниками по вопросу администрации Франции».

На протяжении всей второй мировой войны эмигрантское польское правительство, поощряемое англоамериканской реакцией, занимало в отношении Советского Союза вызывающую позицию. Оно отстаивало абсурдное требование восстановления восточной границы Польши по Рижскому договору, т. е. претендовало на Западную Украину и Западную Белоруссию. Польская эмигрантская печать вела разнузданную антисоветскую кампанию, а весной 1943 г. польское эмигрантское правительство поддержало гитлеровскую фальшивку — так называемое «Катынское дело». 25 апреля 1943 г. СССР разорвал дипломатические отношения с польским правительством в Лондоне. Здоровые силы польского народа начали сплачиваться вокруг Союза польских патриотов, возникшего в СССР под руководством коммунистов. 20 мая 1943 г. Советское правительство удовлетворило просьбу Союза о формировании польской дивизии имени Тадеуша Костюшко. Дивизия вступила в бой в октябре 1943 г., а к лету 1944 г. уже существовала 1-я польская армия, имевшая 107 тыс. человек. 1 января 1944 г. в подполье в Варшаве по инициативе Польской рабочей партии была создана Крайова Рада Народова (Национальный Совет Польши). Когда летом 1944 г. советские армии начали освобождение Польши, Крайова Рада Народова созвала в Хельме Польский Комитет Национального освобождения. 26 июня между СССР и ПКНО было подписано соглашение в связи с вступлением советских войск на территорию Польши. В заявлении Советского правительства от 26 июня указывалось, что советские армии вступают на польскую землю, преисполненные одной решимостью — «разгромить вражеские германские армии и помочь польскому народу в деле его освобождения от ига немецких захватчиков и восстановления независимой, сильной и демократической Польши».

Эмигрантское польское правительство с каждым днем теряло своих и без того немногочисленных сторонников в Польше. Тогда оно дало преступное указание своей агентуре в Польше — Армии Крайовой вести борьбу, в том числе террористическую, против советских войск. Тем самым эмигрантское правительство изолировало себя от подавляющей части польского народа, боровшегося за возрождение Польши. В конце июня 1944 г. советские армии завершили Белорусскую операцию и вышли к Висле. Они с боями прошли свыше 600 км, оторвались от своих тылов. Необходима была оперативная пауза, чтобы подготовить новый удар. В этот момент польская реакция, видевшая, что Польша будет освобождена без вмешательства эмигрантского лондонского правительства, пошла на безумную авантюру — операцию «Буря». 1 августа 1944 г. в Варшаве было организовано восстание с целью захватить столицу и объявить о создании там «правительства». Провокаторы уверяли население города, что восстание согласовано с советским командованием. Жители Варшавы поверили и поддержали восстание. В действительности командование Советской Армии ничего не знало о нем, а само восстание не было подготовлено в военном отношении.

В Варшаве развернулась трагическая борьба обманутых, плохо вооруженных людей против превосходивших сил врага. Советское командование сделало все возможное, чтобы оказать помощь героическим бойцам Варшавы. Однако гитлеровцы создали мощную оборону, а руководители Армии Крайовой палец о палец не ударили, чтобы установить взаимодействие с советскими войсками. Даже когда соединения 1-й польской армии форсировали Вислу и пытались пробиться на соединение с восставшими, Армия Крайова занималась саботажем. В результате провокационной затеи польской реакции Варшава была разрушена гитлеровцами, в борьбе погибло 200 тыс. жителей города. 2

октября 1944 г. командование Армии Крайовой, не желая пойти на соединение с советскими войсками, капитулировало перед гитлеровцами, выдав на верную смерть уцелевших участников восстания.

Не имея возможности противодействовать советским армиям, продвигавшимся в Восточной и Юго-Восточной Европе (а к этому времени различные планы операций на Балканах рухнули), английское правительство попыталось склонить СССР к политическому соглашению о «сферах влияния» на Балканском полуострове. Черчилль считал, что для этого необходим немедленный созыв совещания глав правительств трех великих держав. Рузвельт, занятый избирательной кампанией, не мог выехать из США. Тогда Черчилль язвительно заметил американцам: «Продвигающиеся русские армии не станут ждать, пока будут получены результаты голосования из Мичигана, Южной Дакоты и Орегона». 9 октября он прибыл в Москву. В беседе с И. В. Сталиным, гласит советская запись, он заявил, что «подготовил довольно грязный и грубый документ, на котором показано распределение влияния Советского Союза и Великобритании в Румынии, Греции, Югославии, Болгарии». Советское правительство отвергло предложение Черчилля, не получили развития и его предложения о расчленении Германии после войны. Обсуждение польского вопроса в Москве имело положительное значение: английское правительство согласилось с советской точкой зрения о том, что восточная граница Польши должна проходить по «линии Керзона». Одновременно стороны договорились о реорганизации польского правительства в Лондоне. Черчилль в данном случае был более гибок, чем правительство США. Последнее так и не дало согласия на «линию Керзона». Британский премьер считал возможным согласиться с СССР в этом вопросе, ибо в противном случае, поняли британские политики, события в Польше будут развиваться своим чередом, а эмигрантское польское правительство останется за бортом. Черчилль считал необходимым любой ценой ввести деятелей из эмиграции в состав польского правительства.

Советское наступление на Балканском полуострове, принесшее свободу Румынии и Болгарии, и начало освобождения Югославии, поставило под угрозу германскую группировку в Греции и на островах Додеканесского архипелага. Гитлеровские войска отошли из Греции. Страна была освобождена. Тогда в ночь с 3 на 4 октября английские войска высадились в Греции, чтобы силой навязать неугодный греческому народу монархический режим. Через несколько дней в Греции вспыхнула гражданская война, в которой сторону реакции взяли англичане. Начались ожесточенные бои, английские войска вели боевые действия против Греческой национально-освободительной армии ЭЛАС, созданной прогрессивными силами под руководством коммунистов.

Директивы Черчилля английским командующим в Греции носили категорический характер. 5 декабря он пишет: «Не колеблясь, открывайте огонь по любому вооруженному мужчине в Афинах, который не будет подчиняться английским властям или греческим властям, с которыми мы сотрудничаем... Действуйте без колебаний, как если бы вы находились в побежденном городе, охваченном местным восстанием». Английское вмешательство во внутренние дела Греции вызвало бурю протестов во всем мире, против него подняла голос и общественность в Англии. Но английское правительство шло напролом. Английская политика в Греции получила поддержку империалистов США, но в Вашингтоне настаивали, чтобы США, ввиду бурного негодования общественности, публично не ассоциировались с Англией. Как подчеркнул Рузвельт в послании Черчиллю 13 декабря: «Никто не поймет лучше, чем вы, что я лично и как глава государства должен считаться с настроениями общественности. По этим причинам наше правительство не могло выступать вместе с вами в нынешних событиях в Греции... Искренне буду поддерживать вас в любом решении, при котором будут приниматься во внимание

упомянутые мною выше факторы». Английская интервенция в Греции потребовала привлечения значительных сил: сначала в Лондоне считали, что потребуется 10 тыс. человек, но в декабре 1944 г. в Греции уже было 60 тыс. английских солдат и 18 тыс. подготовлены к отправке в качестве подкреплений. Английские войска высадились в Греции в октябре 1944 г. под предлогом борьбы с гитлеровцами (которых уже не было и в помине), но подлинная цель британского правительства видна из того, что Англия держала своих солдат в стране до октября 1949 г., т. е. в течение 5 лет!

Попытки английского правительства направить свои войска в другие страны Балканского полуострова — Югославию и Албанию — успеха не имели. Народы Югославии, в течение многих лет героически боровшиеся за свою национальную независимость, понимали, что освобождение идет с Востока. Когда английское командование на Средиземном море осенью 1944 г. предложило свою «помощь» для борьбы с гитлеровцами путем высадки десантов на побережье Югославии, оно получило отказ. Пример Греции был поучителен, а упорное желание Лондона навязать Югославии деятелей королевского югославского правительства недвусмысленно раскрывало неприглядные цели английских политиков. Тем временем 28 сентября развернулось советское наступление в Югославии. Совместно с советскими войсками сражались бойцы Народно-освободительной армии Югославии, которая, кроме того, получила значительную материальную помощь от СССР. *(Только за пять первых месяцев 1944 г. НОАЮ получила от Советского Союза 96 тыс. винтовок, 68 тыс. пулеметов, 3,4 тыс. минометов, свыше 1 тыс. орудий и т. д. В начале 1945 г. было передано 491 самолет, 65 танков, 1329 радиостанций и другое вооружение и снаряжение. Советские специалисты подготовили кадры для югославской авиации и танковых частей.)* 20 октября 1944 г. был освобожден Белград. Во время боев за столицу Югославии советское командование удовлетворило просьбу маршала Тито: «Дать возможность частям Народно-освободительной армии Югославии, поддержав их танками и артиллерией, первыми войти в Белград». В боевом содружестве советских армий и НОАЮ страна была освобождена. В начале ноября албанские патриоты перешли в наступление с целью освобождения столицы страны Тираны. 29 ноября 1944 г. Тирана стала свободной. Так победы Советских Вооруженных Сил принесли свободу народам Балканского полуострова. Англо-американские планы возрождения «санитарного кордона» рухнули.

От Нормандии до границ Германии

После высадки в Нормандии американское и английское командование почти два месяца было занято наращиванием сил, не предпринимая решительных действий против врага. К двадцатым числам июля все еще небольшой по размерам плацдарм был до отказа забит войсками и боевой техникой. Американцы высадили 903 тыс. человек, доставили 177 тыс. боевых и транспортных машин и 858 тыс. тонн грузов, англичане соответственно — 663 тыс. человек, 156 тыс. боевых и транспортных машин и 744 тыс. тонн грузов. Всего в составе англо-американских армий в Нормандии насчитывалось 39 дивизий. Против них держали фронт германские части, эквивалентные 16 дивизиям. По количеству дивизий у западных союзников превосходство над немцами было 2,5 : 1, по танкам и самоходным орудиям — 4,2:1, по авиации 13: 1. Имея такое превосходство в силах, 25 июля англо-американцы перешли в наступление. В определенной степени союзников подстегивала усиливавшаяся бомбардировка Лондона и Южной Англии самолетами-снарядами «ФАУ-1», вслед за которыми гитлеровцы вскоре начали применять «ФАУ-2». *(Это «оружие возмездия» (откуда сокращенное название «ФАУ»)) готовилось в гитлеровской Германии давно. По первоначальному плану Гитлера планировалось выпускать с декабря 1943 г. по 5 тыс. самолетов-снарядов в день на Англию. Союзная авиация, знавшая о нависшей угрозе, подвергла строившиеся пусковые площадки интенсивным бомбардировкам. В*

результате гитлеровцы смогли применить «ФАУ-1» и «ФАУ-2» только после начала вторжения в Европу. Всего с июля 1944 г. до захвата союзными войсками пусковых площадок к марту 1945 г. против Англии было выпущено 5890 самолетов-снарядов «ФАУ-1» и 1054 ракеты «ФАУ-2». От них погибло в общей сложности до 9 тыс. человек и получили серьезные ранения еще 23 тыс. Хотя ущерб был сравнительно невелик, отсутствие средств защиты от «ФАУ-2» имело серьезное психологическое значение. Но затяжка вторжения могла бы иметь новые последствия — гитлеровцы начали бы обстрел портов погрузки, не говоря уже о более интенсивной бомбардировке Лондона. Англо-американцы, переоценив прогресс гитлеровцев в разработке атомного оружия, также ожидали, что «ФАУ-1» и «ФАУ-2» могут быть снабжены боевыми головками с атомными зарядами)

Наступление открыли части американской 1-й армии в районе Сен-Ло, т. е. в западной части плацдарма. На английские войска, занимавшие его восточную часть, была возложена задача сковать неприятеля, чтобы облегчить прорыв. Как обычно, американцы попытались проложить дорогу войскам массированным ударом с воздуха — свыше двух с половиной тысяч бомбардировщиков перед атакой бомбили участок 2,5 тыс. на 6 тыс. метров. И как обычно, потери понесли не только германские войска, но и союзные солдаты. На этот раз в числе убитых оказался американский генерал-лейтенант, командующий 1-й группой армий США. Прорыв у Сен-Ло был осуществлен без особых трудностей, быстрота продвижения оказалось столь значительной, что американское командование отказалось от первоначального плана, предусматривавшего использование всех сил для овладения полуостровом Бретань. Для занятия Бретани было выделено меньшее количество войск, которые, имея поддержку свыше 45 тыс. французских партизан, легко справились с задачей. Главные силы американцев были повернуты на Восток и к 6 августа заняли город Лаваль. Началось и медленное продвижение английских и канадских войск в районе Кана. В результате группировка гитлеровцев в Нормандии оказалась под угрозой с обоих флангов и тыла.

Тогда Гитлер приказал нанести удар из района Мор-тен на Авранш. В случае успеха этого плана американские войска оказались бы вновь запертыми на полуострове Котантен, а части, уже вырвавшиеся на оперативный простор, — отрезанными от своих портов снабжения в Нормандии. Однако при существовавшем соотношении сил германское наступление, начавшееся 7 августа, было чистым безумием и в ближайшие дни резко ухудшило положение гитлеровцев. Продвижение слабых германских дивизий через два дня было остановлено, для этого оказалось достаточным авиации. А тем временем англо-американское командование решило в свою очередь окружить германские войска в Нормандии, замкнув кольцо у Фалеза. Этот смелый маневр мог бы привести к полному разгрому гитлеровцев в Западной Франции, если бы он проводился умело и с достаточной быстротой. 10 августа союзники начали наступление с целью закрыть «фалезский мешок», но на это ушла неделя, в течение которой основные силы германской группировки сумели выскользнуть через его горловину.

Развивая наступление, союзные войска устремились к Парижу, а в столице Франции уже вспыхнуло народное восстание. Немецкий гарнизон был блокирован. Против оккупантов бок о бок сражались все организации французского Сопротивления, в первых рядах восставших шли коммунисты. Это вызвало острую тревогу среди сторонников де Голля, воинские части которых продвигались совместно с американцами и англичанами. Как признавал впоследствии сам де Голль, он опасался, что коммунисты будут «во главе восстания наподобие своеобразной Коммуны, которая провозгласит республику, восстановит порядок, возродит правосудие и, в довершение всего, будет петь только «Марсельезу» и вывешивать только трехцветные флаги... И тем не менее я считал, что

силы Франции должны о сружьем в руках проявить себя в Париже до того, как туда вступят союзники, чтобы сам народ способствовал разгрому оккупантов, чтобы освобождение столицы носило характер военной и одновременно общенациональной операции... Заранее приняв соответствующие меры, подготовив своевременное вступление в город крупной французской части, я намеревался прибыть туда и сам, чтобы принять на себя энтузиазм освобожденного Парижа». Эйзенхауэр согласился с доводами де Голля, и 25 августа первой в Париж вступила французская танковая дивизия, она была оснащена американскими танками «Шерман», но с французскими флажками на башнях. Французский взвод прибыл к отелю, где находился начальник гарнизона, собравшийся капитулировать. Три дымовые гранаты, брошенные французскими солдатами в вестибюле отеля, заставили немцев поторопиться. Они вышли из отеля, и гитлеровский генерал официально сдал Париж французам. Столица была освобождена. По просьбе де Голля французская танковая дивизия была задержана в городе до 8 сентября.

Тем временем 15 августа американские и французские части высадились на юге Франции. Противник поспешно, но достаточно организованно отступил. Поэтому планы, составленные союзными штабами, пришлось пересмотреть: первоначально намечалось занять Лион на 90-й день после высадки, однако американо-французские войска вступили в город, уже освобожденный силами Сопrotивления 2 сентября. Когда 10 сентября французские части, продвигавшиеся с юга, соединились в районе Дижона с американцами, наступавшими с запада, основные силы немецкой группировки успели отойти из Южной и Юго-Западной Франции. Перед вторжением во Францию штаб Эйзенхауэра планировал достичь германской границы у Аахена на 330-й день после высадки, т. е. ориентировочно 2 мая 1945 г. Планировалось также провести основательную перегруппировку войск по достижении рубежа Сены, прежде чем возобновить продвижение. В этих расчетах принималось во внимание возможное сопротивление Германии. Но гитлеровцам нечем было остановить наступление западных союзников, ибо под ударами Советских Вооруженных Сил германский фронт на Востоке трещал по всем швам. Именно в это время — в августе 1944 г. — Черчилль публично признал в палате общин: «Русская армия выполнила главную задачу, выпотрошив немецкую армию... В воздухе и на морях мы могли бы отстаивать свои позиции, но в мире не имелось силы, которую можно было бы выставить ранее, чем через несколько лет, и которая была бы способна потрепать и разбить немецкую армию, если бы последняя не подверглась ужасающему кровопусканию и избиению силами русских, советских армий» Победы советских армий обеспечили успехи войск США и Англии на Западе.

Во второй половине августа и начале сентября англоамериканские, канадские и французские войска быстро продвигались через Францию к германской границе. 11 сентября первые союзные солдаты перешли германскую границу, а к середине сентября фронт проходил вдоль голландской границы на юг, к германской границе, к району Трира, и далее к Мецу. Позади осталась вся Северная Франция, большая часть Бельгии и Люксембурга. Боевые действия развертывались на территории Голландии, а местами союзные войска вели бои в Германии. На первый взгляд США и Англия одержали решительную победу на Западе. Так считали не только газеты, но и компетентные военные органы англо-американцев. В начале сентября 1944 г. объединенный англо-американский разведывательный комитет с энтузиазмом докладывал командованию: «Организованное сопротивление под руководством германского верховного командования, вероятно, не продлится дальше 1 декабря 1944 г., а... возможно оно прекратится еще раньше». Аналогичной оценки придерживались и правительства США и Англии. В соединенных Штатах ранней осенью 1944 г. даже были сделаны первые шаги к реконверсии военной экономики. Однако оптимисты, а ими тогда было подавляющее большинство англо-американских государственных и военных деятелей, проглядели

весьма существенное обстоятельство: западные союзники не одержали победы над врагом — он отвел свои основные силы, а обширность захваченной территории, что являлось первопричиной радужных надежд на будущее, создало серьезнейшие затруднения. Хотя союзные войска вышли на границу Германии на 7 месяцев раньше запланированного срока, что объяснялось отсутствием сопротивления и не зависело от них, но масштабы тылового обеспечения оставались прежними.

Служба тыла развертывалась в соответствии с первоначальными наметками и не была в состоянии обеспечить фронт достаточным количеством горючего, боеприпасов и иных видов довольствия. В результате огромные англо-американские армии были остановлены не немцами, а собственными интендантскими чиновниками.

Штаб Эйзенхауэра считал, что в создавшихся условиях штурмовать «линию Зигфрида» нельзя. Вдоль нее и стабилизировался фронт к середине сентября. Монтгомери, командовавший английскими войсками, находившимися на северном крыле союзных армий, в Голландии, т. е. на участке, где не было «линии Зигфрида», все же решил осуществить прорыв. Английское правительство придавало большое значение этой операции, — она была предпринята в значительной степени для того, чтобы делами доказать своему американскому союзнику преимущества сосредоточения всех сил на севере. Англичане настаивали, что стратегия Эйзенхауэра — двигаться широким фронтом — означает распыление ресурсов. Чтобы быстрее достичь Берлина, необходим мощный удар на севере. Между американскими и британскими штабами происходили бесконечные препирательства по поводу «широкого фронта», который отстаивал Эйзенхауэр, и «узкого фронта» или «кинжалообразного удара» на севере, предлагавшегося Монтгомери. Американские командующие особенно болезненно реагировали на план Монтгомери, ибо он предусматривал удар на севере силами не только англичан, но и подчиненных ему американских дивизий. А главное, Монтгомери потребовал: ударная группировка «должна иметь все, что ей необходимо в отношении снабжения, другие армии постараются обойтись тем, что останется». Английское командование рассчитывало, что, если в результате наступления на севере в руках западных союзников окажется плацдарм за Рейном, американцы станут сговорчивее. Этот успех и решит спор.

Наступление началось 17 сентября силами восьми английских дивизий, для ускорения его в тылу гитлеровцев была выброшена воздушнодесантная армия в составе трех дивизий. Основную задачу должна была выполнить 1-я британская воздушнодесантная дивизия, высаженная у г. Арнем, — захватить и удержать мосты на Нижнем Рейне. Несмотря на сосредоточение больших сил, наступление провалилось: иначе и быть не могло — планируя его, Монтгомери полагался на полную деморализацию противника. Но в районе Арнема случайно оказалось одно из немногочисленных боеспособных немецких соединений: 1-я немецкая воздушнодесантная армия, которая из-за отсутствия самолетов использовалась как пехота. Британская воздушнодесантная дивизия, насчитывавшая около 10 тыс. человек, была разгромлена: свыше тысячи солдат было убито, шесть с половиной тысяч сдались в плен и немногим больше двух тысяч пробилось к своим войскам. Хотя за 10 дней операции англичанам удалось продвинуться на 80 км, они не выполнили основной задачи: «линию Зигфрида» не удалось обойти с севера, Рейн не был форсирован. На всем Западном фронте воцарилось затишье. Союзные командующие нашли главного виновника неудач — службу тыла. Интенданты ответили, что нужен глубоководный порт. Эйзенхауэр согласился, отдав в начале октября директиву: «Из всех наших операций на всем фронте от Ла-Манша до Швейцарии я придаю Антверпену первостепенное значение». Все внимание британской группы армий было переключено на занятие устья Шельды и овладение Антверпеном.

Ключом к Антверпену был о. Вальхерен, лежащий в устье Шельды, который обороняла 70-я германская дивизия. О боевых действиях в этом районе очевидец, английский автор М. Шульман пишет: «После вторжения во Францию немцы решили заменить на о. Вальхерен обычную пехотную дивизию дивизией, личный состав которой страдал желудочными заболеваниями. Бункеры на о. Вальхерен отныне занимали солдаты, имевшие хронические язвы, острые язвы, раненые желудки, нервные желудки, чувствительные желудки, воспаленные желудки — в общем все известные гастриты. Солдаты поклялись стоять до конца. Здесь, в богатейшем краю Голландии, где в изобилии был белый хлеб, свежие овощи, яйца и молоко, солдаты 70-й дивизии, прозванной «Дивизией белого хлеба», ожидали неминуемого союзного наступления и нервничали, ибо их внимание поровну делилось между проблематичной угрозой со стороны врага и реальными желудочными расстройствами. В бой эту дивизию инвалидов вел престарелый, добродушный генерал-лейтенант Вильгельм Дейзер... Ужасающие потери среди старшего офицерского состава в России и Северной Африке явились причиной того, что он был возвращен из отставки в феврале 1944 г. и назначен командиром стационарной дивизии в Голландии. Его действительная служба окончилась в 1941 г., когда он был уволен из-за сердечных приступов. Теперь, имея 60 лет от роду, он не горел энтузиазмом и не имел способностей, чтобы превратить оборону о. Вальхерен в героический эпос германского оружия». Тем не менее 70-я дивизия держалась до 9 ноября, а затем, заканчивает Шульман, «еще 10 тысяч германских военнопленных отправились в союзные лагеря на солдатский паек, сменив белый хлеб и молоко». 26 ноября, после очистки эстуария Шельды от мин, первый конвой транспортов вошел в порт Антверпена.

Задержка на Западе, очень похожая на тупик, заставила англо-американское командование вновь изучить перспективы итальянской кампании. Боевые действия на Апеннинском полуострове развивались крайне вяло, союзные войска медленно оттесняли германские дивизии, последовательно отходявшие с одного оборонительного рубежа на другой. Геббельсовская пропаганда широко распространяла карикатуры, изображавшие эту кампанию так: по голенищу итальянского «сапога» ползет улитка — на одном роге у нее американский, на другом — британский флаг. Только 6 июня 1944 г. союзные войска вступили в Рим, уже оставленный без боев гитлеровцами. Если бы речь шла только о сковывании германских сил на этом театре, то севернее Рима вообще продвигаться было бы нецелесообразно, а высвободившиеся ресурсы следовало перебросить на другие театры. Однако английское правительство настаивало на дальнейшем наступлении, надеясь все же пробиться в сторону Балкан. Все усилия англо-американцев в Италии оказались тщетными: гитлеровские войска прочно закрепились в Северных Апеннинах на рубеже, который союзники называли «Готской линией», а немцы — «Зеленой линией». Эти позиции шли от гребня Апеннин юго-западнее Болоньи, а дальше — через долину реки По до озера Валли-ди-Коммакьо. Неудачи англо-американцев объяснялись в определенной степени тем, что они опасались развертывания всенародной борьбы против гитлеровцев в Италии. Между тем на севере Италии под руководством компартии возникли Гарибальдийские бригады, которые к лету 1944 г. насчитывали до 100 тыс. бойцов и контролировали значительные районы в тылу германских войск.

Когда в октябре 1944 г. Объединенный комитет начальников штабов попытался выяснить, чем же может итальянский фронт помочь операциям в Западной Европе, то ответ оказался обескураживающим. Генерал Уилсон 10 октября доложил мнение союзного командования в Италии: англо-американские войска не только не в состоянии сковать большее число немецких дивизий, но даже не могут изгнать противника с севера Италии. Где выход? Доклад Уилсона гласил: «Вывод армии Кесельринга из Италии будет в большей мере обусловлен наступлением русских, чем действиями войск генерала Александера». Как в Западной Европе, так и в Италии англо-американцы не могли

рассчитывать на достижение серьезных результатов без новой помощи со стороны Советского Союза. Глубокой осенью 1944 г. англо-американские стратеги оказались в тупике. Хотя гитлеровские войска, оборонявшие западную границу Германии и державшие фронт в Италии, были несоизмеримо слабее, они сумели остановить наступление англо-американцев. К ноябрю 1944 г. сентябрьский оптимизм в союзных штабах рассеялся как дым. Американские командующие бомбардировали Вашингтон телеграммами с требованиями резервов. Еще недавно они собирались окончить войну в Европе к рождеству, теперь впали в другую крайность. Генерал Брэдли жаловался Эйзенхауэру на Вашингтон: «Неужели они не понимают, что мы все еще сможем проиграть войну в Европе».

Германское наступление в Арденнах

На исходе 1944 г. только «линия Зигфрида» прикрывала Германию. Укрепления «линии Зигфрида» находились на уровне военной техники кануна войны. Казематы, предназначенные для 37-миллиметровых орудий, не могли вместить 75-, 88-миллиметровых орудий, а только последние были способны пробить броню танков 1944 г. Несмотря на отчаянные усилия восстановить оборонительный рубеж по западным границам Германии, разоруженный для «Атлантического вала», не удалось сделать многого. Достаточного количества войск для занятия «линии Зигфрида» не было, солдаты были далеко не теми, с которыми Германия начинала войну. Гитлеровцы различными путями пытались поднять боевой дух войск — от драконовского приказа Гимmlера 10 сентября 1944 г., в соответствии с которым все родственники дезертира подлежали расстрелу без суда, до разнообразных средств, зависевших от изобретательности офицеров на местах. Во время боев в Голландии, например, у целого подразделения были отобраны носовые платки, чтобы солдаты не могли сдаться. Суровость и смехотворность этих мер служили критерием отчаянного положения гитлеровской Германии.

Генералитет продолжал верно служить фюреру по иной причине: «Я знал, что не было ни малейших шансов выиграть войну, — говорил Рундштедт, 4 сентября возвращенный на пост командующего на Западе, — но я надеялся, что если нам удастся продержаться, поворот политических событий может предотвратить крах Германии. Военная победа была исключена».

Так думал и маньяк Гитлер. Использование жупела «большевизма» дало ему возможность подготовить и развязать войну, разве нет оснований полагать, что перед лицом советских побед антисоветские устремления в правящих кругах западных стран возьмут верх? Об этом непрестанно толковали не только в нацистской верхушке, аналогичные суждения распространяло пропагандистское ведомство Геббельса. 4 сентября 1944 г., например, оно указывало в заявлении для печати: «Известия о советских победах на Балканах едва ли придутся по вкусам англичанам... С приближением победы для союзников совершенно ясно, что политические конфликты углубятся и в один прекрасный день здание наших врагов рухнет».

Чтобы приблизить этот исход, гитлеровское руководство задумало провести наступление на Западе. Для операции были избраны Арденны. Планировалось нанести удар в этом районе, который союзники считали непроходимым для войск в зимних условиях, далее форсировать Маас, овладеть Брюсселем и Антверпеном и создать фронт по линии Живе — Люксембург. Гитлер рассчитывал прижать северное крыло союзного фронта к морю и устроить новый Дюнкерк. Наступление готовилось нацистской верхушкой в глубочайшей тайне, даже большинство генералов, которым предстояло вести войска в бой, узнали о нем только накануне. Гитлеровцы возлагали все надежды на войска СС, для наступления была

сформирована новая армия — 6-я танковая армия СС, именно ей предстояло по плану войти в Антверпен. В числе германских войск было специальное соединение—150-я танковая бригада, имевшая 2 тыс. человек личного состава. Эти люди, знавшие английский язык, были переодеты в американскую форму, оснащены американским вооружением и снаряжением. Перед ними была поставлена задача просочиться через союзный фронт и действовать в тылу англо-американцев, сея панику. Отборный отряд под руководством командира бригады Скорцени (он в свое время выкрал Муссолини) должен был достичь Парижа и попытаться убить англо-американских командующих.

Для прикрытия с воздуха было собрано 800 самолетов.

12 декабря генералы, командовавшие войсками в Арденнском секторе, были неожиданно вызваны в штаб Рундштедта. Там у них отобрали личное оружие, чемоданы и портфели, усадили в автобус и привезли к тщательно замаскированному бункеру. Генералов ввели внутрь и они уселись. За каждым стулом стояли эсэсовцы, которые смотрели так свирепо, что, по словам одного из генералов, присутствовавших на совещании, он боялся достать из кармана носовой платок. Перед собравшимися выступил Гитлер, изложивший план наступления и его мотивы. Он говорил: «Никогда в истории не существовало коалиции, подобной коалиции наших врагов, состоящей из таких разнородных элементов с такими противоречивыми целями... С одной стороны — ультракапиталистические государства, с другой — ультрамарксистские. Каждый из участников коалиции вступил в нее с надеждой достичь своих политических целей... Уже сейчас эту коалицию раздирают острейшие противоречия, и мне, как пауку, сидящему в центре паутины, видно, что антагонизм между ними нарастает с каждым часом. Если теперь мы сможем нанести несколько сильных ударов, тогда в любой момент этот искусственно созданный единый фронт с грохотом рухнет».

В сумерках зимнего утра 16 декабря на четыре американские дивизии в Арденнах обрушилось 8 дивизий 6-й танковой армии СС. Переход германских войск в наступление оказался полнейшей неожиданностью для англо-американцев. На фронте американские солдаты бежали под натиском гитлеровцев, в штабах нарастала паника, усилившаяся взаимными обвинениями американцев и англичан. К 20 декабря гитлеровцы прорвали фронт на участке 100 км, углубившись на 30—50 км. На западном фронте для англо-американцев сложилась отчаянная обстановка и положение еще более ухудшилось, если бы не промахи гитлеровского руководства. Гитлер, бросив в наступление 6-ю танковую армию СС вместе с войсковыми соединениями, рассчитывал, что лавры победы достанутся эсэсовцам.

Случилось, однако, так, что успех обозначился не на северном крыле германской группировки, где находилась 6-я танковая армия СС, а в центре — там наступала 5-я танковая армия. Вместо того чтобы поддержать центр, Гитлер направил единственный резерв — 2-й танковый корпус СС на северный участок в напрасной надежде достичь Льежа. Еще бы! Эсэсовцы не могли помогать солдатам вермахта. Немаловажное значение имело и то обстоятельство, что действия германских ВВС были расстроены собственной зенитной артиллерией — в первый же день операции зенитчики, не предупрежденные о начале наступления, сбили более 200 своих самолетов из 800, посланных для его поддержки.

В результате усилившегося сопротивления англо-американцев, снежных заносов и этих ошибок наступательный порыв германских войск иссяк, продвинуться удалось только на 90 км. Англо-американцы, оправившись от внезапности, стали подтягивать резервы из глубины. И тогда вступили в действия простые количественные факторы: в конечном

итоге за это время на Западе было 87 союзных дивизий, имевших свыше 10 тыс. самолетов, 6,5 тыс. танков, гитлеровцы располагали 39 дивизиями, имели около тысячи самолетов и 600 танков. Для историка, пишущего спустя много лет, ближайшие последствия ясны, но по-иному представлялась обстановка англоамериканским командующим, делавшим выводы на основе имевшейся тогда у них информации.

В штабе Эйзенхауэра, работавшего в состоянии крайней нервозности, было решено передать одну американскую армию в подчинение Монтгомери. Английская печать разразилась потоком комментариев, изображая героя Эль-Аламейна спасителем американцев, попавших в беду. Монтгомери не был склонен отказываться от приписанной ему роли. Немедленно всплыл давний вопрос — англичане возобновили свои требования о подчинении всех сухопутных войск на Западе Монтгомери. Американские командующие заявили, что в таком случае они уйдут в отставку и т. д. Фасад англоамериканского сотрудничества рухнул, штабы являли собой картину отвратительной склоки. Генерал Маршалл из Вашингтона предостерег растерявшегося Эйзенхауэра: «Я считаю так: ни при каких обстоятельствах не делайте каких-либо уступок... Я не допускаю, чтобы вы были готовы на такую уступку. Я хочу только, чтобы вы твердо знали нашу позицию по этому вопросу. Вы прекрасно действуете. Продолжайте в том же духе и пошлите их к черту».

Имея за собой поддержку Вашингтона, Эйзенхауэр отверг домогательства Монтгомери, в ответ на что лондонская печать предрекла самые губительные последствия. Однако успех в отражении натиска союзника еще не восстановил положения на американском участке фронта. В Вашингтон полетели срочные депеши с мольбами о подкреплениях. Эйзенхауэр просил войска из Италии, указал, что теперь не может «отказать негритянским добровольцам в использовании ими возможности участвовать в бою», а также требовал присылки 100 тыс. солдат морской пехоты. В США генерал Маршалл дал указание «прочесать» военные округа, гарнизоны на Аляске и в зоне Панамского канала. Наконец, было решено ускорить формирование французских и бельгийских соединений, с чем ранее правительства США и Англии не торопились.

Эти чрезвычайные меры проливают яркий свет на положение с людскими ресурсами в американских и английских вооруженных силах. Западные союзники пожинали плоды своей собственной политики в строительстве армии. Привыкнув к тому, что главное бремя в сухопутных операциях несли Советские Вооруженные Силы, США и Англия обратили основное внимание на развитие авиации и флота. В результате на рубеже 1944/45 г. из 89 имевшихся в США дивизий — 87 действовали на фронте, т. е. США практически не имели резервов. Кроме того, американская армия строилась так, что только 30% личного состава были в боевых частях. Положение англичан оказалось еще худшим — еще осенью 1944 г. они приступили к расформированию целых частей для пополнения других. Размах немецкого наступления ошеломил англоамериканцев: даже в Париже было задержано несколько германских солдат из бригады Скорцени. На что же еще способна Германия? Если 14 декабря 1944 г. английское правительство считало, что война закончится к 30 июня 1945 г., то 12 января 1945 г. за основу планирования принимается новая дата окончания войны — 31 декабря 1945 г.

Правительства США и Англии не видели возможности ликвидировать кризис на Западе собственными силами и обратились с просьбой о срочной помощи к Советскому Союзу. Инициатором обращения к Советскому правительству был Эйзенхауэр, который настойчиво просил об этом правительства США и Англии еще с 21 декабря.

Между тем на 1-е января 1945 г. из 313 дивизий и 32 бригад, которые имелись у

германского командования, на советско-германском фронте находилось 185 дивизий и 21 бригада (из них 15 дивизий и 1 бригада — венгерские). На Западном фронте и в Италии гитлеровцы имели 108 дивизий и 7 бригад, остальные части оккупировали захваченные территории. Иными словами, против англо-американцев находилось 33 процента вооруженных сил, имевшихся у Германии. Их действия поставили в тяжелое положение США и Англию.

В Москву был поспешно отправлен английский маршал Теддер, однако плохая погода задержала его в пути. Тогда 6 января 1945 г. Черчилль пишет И. В. Сталину: на Западе сложилась «тревожная» обстановка, «идут очень тяжелые бои, и в любое время от Верховного командования могут потребоваться большие решения». Черчилль просил сообщить, могут ли англо-американцы рассчитывать на советское наступление в январе. На следующий день Советское правительство ответило: «Учитывая положение наших союзников на Западном фронте, Ставка Верховного Главнокомандования решила усиленным темпом закончить подготовку и, не считаясь с погодой, открыть широкие наступательные действия против немцев по всему Центральному фронту не позже второй половины января». Сроки советского наступления, первоначально назначенного на 20 января, были передвинуты на 12 января, и в этот день советские войска двинулись на Запад. Германский фронт был прорван.

Именно этого больше всего и опасались гитлеровцы. Командующий германской 5-й танковой армией в Арденнах генерал Вестфаль признает: «12—13 января русские предприняли свое большое наступление с баранувского (сандомирского. — Я. Я.) плацдарма. Влияние его немедленно сказалось на Западном фронте. Мы уже давно с тревогой ожидали переброски своих войск на Восток, / теперь она производилась с предельной быстротой. Туда была переброшена 6-я танковая армия СС с отдельными частями армейского подчинения, двумя штабами корпусов и четырьмя танковыми дивизиями СС, бригада «Фюрербеглейт» и гренадерская бригада, а также вся их артиллерия и переправочные средства». Гитлеровцы прекратили активные боевые действия на Западе.

Ф. Рузвельт пишет И. В. Сталину 18 января: «Подвиги, совершенные вашими героическими воинами раньше, и эффективность, которую они уже продемонстрировали в этом наступлении, дают все основания надеяться на скорые успехи наших войск на обоих фронтах». 22 января английский комитет начальников штабов констатирует: «Новое наступление русских резко изменило обстановку. По наиболее вероятным предположениям, конца войны можно ожидать в середине апреля». Наконец, 30 января Объединенный комитет начальников штабов приходит к выводу: «В результате русского наступления на Западном фронте обеспечена свобода маневра до 15 марта».

Однако англо-американцы, напуганные немецким ударом в Арденнах, долго не смогли оправиться. Они возобновили наступательные действия на Западе лишь в последней неделе марта 1945 г.

Огромные успехи Советских Вооруженных Сил после 12 января означали катастрофу для гитлеровской Германии. Хотя на Восток гитлеровцами было брошено решительно все, а на Западе были оставлены лишь слабые заслоны, советские солдаты шли вперед. За 21 день в ходе Висло-Одерской операции Советская Армия прошла от Вислы до Одера и создала там фронт протяженностью около 500 км, а на его левом берегу был захвачен ряд плацдармов. Гитлеровские войска потеряли до 500 тыс. человек (в Арденнах немецкие потери составили 81 тыс. человек). Одновременно советские войска действовали в Восточной Пруссии и Чехословакии. Грандиозное наступление на фронте в 1200 км

привело советских солдат на ближние подступы к столице Германии — до Берлина в начале февраля оставалось всего 60 км.

27 января у Гитлера состоялось совещание. Обсуждались последствия советских побед. «Вы что думаете, — спросил фюрер, — англичане преисполнены энтузиазмом по поводу русских достижений?» Присутствующие согласились, что нет. Геринг заметил: «США и Англия не рассчитывали на наше сумасшествие — держать фронт на Западе, в то время как русские все дальше углубляются в Германию». Гитлер заявил: «Я распорядился доставить в руки союзников документ, в котором сказано, что русские организовали 200-тысячную коммунистическую армию из наших солдат под командованием германских офицеров, которые вступают в Германию... Узнав об этом, они почувствуют, как будто их пронзили острием».

Участники совещания пришли к выводу, что чем ближе советские войска подходят к Берлину, тем вероятнее, что Запад придет на помощь Германии. Геринг заключил: «Если русское наступление будет продолжаться, то через несколько дней мы получим телеграмму с сообщением об этом».

Однако, вопреки ожиданиям фашистов, исполинская мощь Советских Вооруженных Сил не только сохранила, но и укрепила антигитлеровскую коалицию. Хотя реакционные деятели США и Англии стояли за разрыв с Советским Союзом, американское и английское правительства понимали смертельную опасность такого шага. Факторы, которые привели к решению о необходимости сотрудничать с СССР в августе 1943 г. в Квебеке, получили новое подтверждение в Арденнах.

«Кто не знает, — говорил Н. С. Хрущев, — что самая сильная армия в конце войны была у Советского Союза. Ничто не мешало тогда Советскому Союзу продвинуть вперед свои отобилизованные армии и занять всю Европу».(*«Правда» 30 декабря 1955 г*) Ясное осознание этого в Вашингтоне и Лондоне и проявилось на заключительном этапе войны. Вместо ожидавшегося гитлеровцами раскола в антигитлеровской коалиции произошло ее дальнейшее укрепление.

Ялтинская конференция глав правительств СССР, США и Англии

Еще до начала германского наступления в Арденнах между Черчиллем и Рузвельтом состоялся примечательный обмен посланиями. 6 декабря 1944 г. британский премьер писал президенту: «Я считаю, что для меня настало время обратить внимание на серьезную, вызывающую разочарование военную обстановку... Мне ясно, что нам с различной степенью вероятности приходится сталкиваться со следующими факторами: а) значительная задержка выхода к Рейну и тем более форсирование Рейна на кратчайшем пути на Берлин; б) довольно серьезные неудачи в Италии; в) уход на родину большей части германских войск с Балканского полуострова; г) неудачи в Бирме; д) устранение Китая как воюющей стороны. Когда мы сопоставляем эти реальные факты с радужными надеждами наших народов, существующими несмотря на наши усилия сдержать их, неизбежно возникает вопрос: что мы собираемся принять в этой связи?»

Хотя ответ Рузвельта 10 декабря был менее пессимистичен, в основном он был бессодержательным: «Я всегда считал, что на Европейском театре оккупация Германии вплоть до левого берега Рейна будет весьма трудной задачей. Поскольку еще в давние времена я проехал на велосипеде большую часть Рейнской области, я никогда не

предполагал, что нашим объединенным армиям удастся легко форсировать Рейн, как на это рассчитывали многие командиры.. Японцы несут на Тихом океане потери в людях, судах и военных материалах, которые во много раз превосходят наши потери, и они также не могут восполнять их. Даже всемогущий помогает нам Доказательством тому является это замечательное землетрясение и приливная волна». Гитлеровское наступление в Арденнах не способствовало подъему духа ни в Вашингтоне, ни в Лондоне. Недобрые вести на рубеже 1944/45 г. приходили с Дальнего Востока.

Далеко не случайно У. Черчилль предложил американцам назвать предстоящую в это время конференцию руководителей трех великих держав кодовым термином «Аргонавт». Он писал Ф. Рузвельту: «Мы — прямые потомки аргонавтов», которые, по греческой мифологии, приплыли на Черное море за золотым руном. Так, и на Ялтинскую конференцию, которая происходила с 4 по 11 февраля 1945 г. в Крыму, Ф. Рузвельт и У. Черчилль явились просителями, имея в виду, что только Советский Союз способен выправить тяжелое положение, сложившееся на фронтах западных союзников. В «Памятке» и документах, подготовленных министерствами Вашингтона для президента и государственного секретаря, выезжавших в Ялту, подчеркивалось: «Мы должны иметь поддержку Советского Союза для разгрома Германии. Мы отчаянно нуждаемся в Советском Союзе для войны с Японией по завершении войны в Европе». Не менее важным для понимания позиции американской делегации в Ялте является следующее место в «Памятке»: «Судя по современной обстановке, все народы Европы охвачены левыми настроениями и весьма сильно выступают за далеко идущие экономические и социальные реформы». Американские политики не могли не считаться с антифашистским характером второй мировой войны. Указанные факторы создали предпосылки для успешной работы глав правительств в Ялте. Конференция открылась с обсуждения военных вопросов. Советские представители указали на появление на советско-германском фронте германских дивизий, переброшенных с Запада и Италии. Советское командование подчеркнуло, что операции против гитлеровской Германии будут проводиться с неослабевающей силой, однако было обращено внимание на то, чтобы американско-английские войска усилили свои действия и не допускали переброски германских дивизий на Восток. В Ялте были утверждены границы будущих зон оккупации Германии. Этому США и Великобритания придавали первостепенное значение. Как отмечает американский профессор Р. Зонтаг на основе документов госдепартамента, «во время конференции в Ялте казалось, что перед русскими армиями открыта дорога через всю Европу, в то время как западные армии еще не форсировали Рейн. В этих условиях было возможно, что к концу войны русские займут большую часть Германии», Не располагая достаточными силами для глубокого продвижения на Восток, Соединенные Штаты стремились зарезервировать за собой соответствующую зону оккупации политическим соглашением.

Главное место в работе конференции занял германский вопрос. Еще в сентябре 1944 г. в США были разработаны принципы будущего обращения с Германией, получившие название «плана Morgентау», по имени их автора — американского министра финансов Г. Morgентау. Правительство США предлагало расчленение Германии, уничтожение ее промышленности, в результате, указывалось в плане, «Германия превратится в страну главным образом аграрную и животноводческую». План исходил из желания уничтожить Германию как великую державу, сделать всех немцев объектом мести союзных держав. Командование американской армии в Европе поддержало политиков, заявив Г. Morgентау: «Весь германский народ — большой безумец, и нет решительно никаких оснований для мягкого обращения с безумцем». Английское правительство также выразило свое согласие с «планом Morgентау», а Черчилль подчеркнул: «Нет необходимости обсуждать с каким бы то ни было немцем какой бы то ни было вопрос о

судьбе Германии». Однако сведения об англо-американских планах расправы с германским народом проникли в печать, что способствовало усилению сопротивления гитлеровских войск. Правительства США и Англии отказались от буквы «плана Morgентау», но его дух пронизывал англо-американские предложения по Германии на конференции в Ялте.

Ф. Рузвельт и У. Черчилль вновь настаивали на расчленении Германии. Американские политические руководители, как видно из документа, подготовленного для делегации США в Ялте и озаглавленного «Долгосрочная программа для Германии», видели только две альтернативы в этом вопросе: «а) Германия должна быть ослаблена политически, в военном и экономическом отношении. Ее надлежит оставить слабой на многие годы; б) любая программа, преследующая цель восстановления Германии в качестве оплота против России и коммунизма, неизбежно приведет к третьей мировой войне». Заколдованный круг американской политики был разорван в Ялте советскими предложениями, предусматривавшими согласованные действия союзных держав в германском вопросе после окончания второй мировой войны. В результате конференция приняла решения, имевшие цель направить развитие Германии по пути создания миролюбивого, демократического государства. Хотя в первый период после окончания войны Германию предстояло оккупировать, союзные державы рассматривали ее как единую страну.

Другие постановления Ялтинской конференции, касавшиеся Польши, Югославии, создания ООН, также явились ярким доказательством плодотворности сотрудничества трех великих держав. Они были приняты в духе терпимости и взаимопонимания. Так, советская делегация согласилась с предложением Ф. Рузвельта о порядке голосования в Совете Безопасности, американской формулировкой «Декларации об освобожденной Европе». В Ялте было достигнуто советско-американо-английское соглашение о том, что Советский Союз через два-три месяца после завершения военных действий в Европе вступит в войну с Японией на условиях восстановления принадлежавших России прав на Дальнем Востоке — возвращения Южного Сахалина, передачи СССР Курильских островов. Это отнюдь не было «платой» за участие Советского Союза в войне с Японией, как ныне пытаются изобразить некоторые реакционные американские историки и публицисты, а явилось конкретизацией общих принципов союзной политики в отношении Японии, в частности в Каирской декларации 1 декабря 1943 г.

Решения Ялтинской конференции неизмеримо укрепили антигитлеровскую коалицию. Главы трех правительств заявили: «Наше совещание в Крыму вконец подтвердило нашу общую решимость сохранить и усилить в предстоящий мирный период то единство целей и действий, которое сделало в современной войне победу возможной и несомненной для Объединенных Наций».

Мы верим, что это является священным обязательством наших правительств перед своими народами, а также перед народами мира».

Разгром и капитуляция Германии

Заключительный этап боевых действий в Европе явил миру несравненную мощь Советских Вооруженных Сил. Ломая сопротивление главных сил врага, сосредоточенных на Востоке, советские войска неудержимо шли на Запад. Наступление советских армий дало возможность англо-американцам перейти к активным действиям. В середине марта их армии, насчитывавшие 80 полных дивизий, начали медленно продвигаться на Восток. Против англо-американцев оборонялись разрозненные немецкие части, эквивалентные 26 дивизиям. 23 марта союзники форсировали Рейн. Преодоление немецкой обороны, по

словам историка 9-й американской армии, представляло собой больше инженерную, а не тактическую задачу. 5 апреля Ф. Рузвельт сообщил И. В. Сталину: «Я также полностью оцениваю ту роль, которую сыграла ваша армия, позволив вооруженным силам, находящимся под командованием Эйзенхауэра, форсировать Рейн». Дальнейшее продвижение англо-американцев в Германии ограничивали в основном возможности тыла и заторы на дорогах. Между тем, сдавая без сопротивления важнейшие районы Германии на Западе, гитлеровцы вели упорные бои на советско-германском фронте.

Соответственно распределялись и имевшиеся у Германии ресурсы: в феврале 1945 г. на Восточный фронт было направлено 1675 новых и отремонтированных танков и самоходных орудий, на Западный — 67. 26 февраля 1945 г. Рундштедт в письме Кейтелю писал: «Новых сил для Западного фронта я не получу. Что касается Восточного фронта, то я без единого слова возражения отдал все, что было возможно. Мне было обещано пополнение, но это последнее либо совсем не поступает, либо поступает в таком мизерном количестве, что оно не оказывает никакой действительной помощи фронту». За всем этим крылась политическая стратегия гитлеровского руководства в последние месяцы войны — сдавать территорию Германии на Западе и держать фронт на Востоке. В послании Рузвельту 7 апреля 1945 г. И. В. Сталин указывал: «Трудно согласиться с тем, что отсутствие сопротивления со стороны немцев на Западном фронте объясняется только лишь тем, что они оказались разбитыми. У немцев имеется на Восточном фронте 147 дивизий. Они могли бы без ущерба для своего дела снять с Восточного фронта 15—20 дивизий и перебросить их на помощь своим войскам на Западном фронте. Однако немцы этого не сделали и не делают. Они продолжают с остервенением драться с русскими за какую-то малоизвестную станцию Земляницу в Чехословакии, которая им столько же нужна, как мертвому припарки, но безо всякого сопротивления сдают такие важные города в центре Германии, как Оснабрюк, Мангейм, Кассель. Согласитесь, что такое поведение немцев является более чем странным и непонятным».

Весной 1945 г. Советская Армия, развивая наступление, несла свободу народам Европы. После разгрома немецко-фашистских войск в Будапеште, 13 февраля город был освобожден. Гитлеровцы попытались остановить советское наступление в районе озера Балатон силами 6-й танковой армии СС, переброшенной из Арденн. В марте 1945 г. эта вражеская группировка была наголову разбита. Советские войска нанесли новый удар, и 13 апреля столица Австрии Вена была очищена от гитлеровцев. В результате этих операций с февраля до середины апреля было завершено освобождение Венгрии, свободной стала большая часть Чехословакии, советские войска вступили в Австрию. От гитлеровцев была очищена Силезия, а на северном крыле фронта советские войска заняли Восточную Пруссию и Восточную Померанию. Дни фашистского режима были сочтены.

В последние недели войны гитлеровское руководство развивает активную деятельность, пытаясь договориться с западными державами. 23 апреля Геринг, который в то время был на юге Германии, направил Гитлеру в Берлин телеграмму, требуя, чтобы Гитлер сложил с себя полномочия главы государства и передал ему всю власть как «законному преемнику». По словам одного из присутствовавших при получении телеграммы, «это сообщение поразило фюрера как дубиной. Сначала он плакал, как ребенок, затем бушевал, как одержимый». Гитлер отдал приказ об аресте Геринга.

В эти же дни пытается вступить в переговоры с англо-американцами Гиммлер. Действуя через шведского посредника, он заявил, что Гитлер уже «политический мертвец», а цели переговоров сформулировал так: «Мы, немцы, должны признать себя побежденными западными державами, и я прошу вас передать это через шведское правительство генералу Эйзенхауэру с тем, чтобы нам всем избежать дальнейшего ненужного кровопролития, но

это невозможно для нас, немцев, и особенно это невозможно для меня - капитулировать перед русскими, против них мы будем продолжать войну до тех пор, пока фронт западных союзников не придет на смену германскому фронту». Гитлер объявил Гимmlера «предателем» и снял со всех постов.

Однако сам Гитлер, забившийся в бункер под имперской канцелярией, действовал аналогичным образом. 21 апреля он утвердил приказ повернуть войска Западного фронта на 180 градусов и использовать их для защиты Берлина, невзирая на «сдачу англо-американцам большой территории». Этот приказ касался не только войск западнее Берлина, но был разослан решительно всем командующим, в том числе в Италии, Чехословакии и Австрии. Гитлер и его окружение стремились к сговору с западными державами против СССР.

В апреле 1945 г. в послании на имя Трумэна, ставшего президентом, Советское правительство, выразив «свое искреннее сочувствие американскому народу» в связи с кончиной Ф. Рузвельта, выразило уверенность, «что политика сотрудничества между великими державами, взявшими на себя основное бремя войны против общего врага, будет укрепляться и впредь».

Однако смерть Рузвельта в известной степени развязала руки американской реакции. Усилились позиции тех кругов, которые и раньше настаивали на проведении «жесткой» политики в отношении Советского Союза, Еще в декабре 1944 г. глава американской военной миссии в Москве генерал Дин писал Маршаллу: «Некоторые будут утверждать, что Красная Армия выиграла войну для нас. Я согласен с этим, за исключением двух последних слов... Я убежден, что нам следует занять более жесткую позицию». Новый государственный секретарь Бирнс обратил внимание Трумэна на атомное оружие, подготовка которого заканчивалась. Он заявил президенту: «Бомба может дать нам возможность продиктовать наши условия в конце войны». 20 апреля 1945 г. на совещании в Белом доме Трумэн заявил: «Я намереваюсь быть твердым в моих отношениях с Советским правительством».

Некоторые высокопоставленные чиновники госдепартамента и командования уже в это время начали говорить о Советском Союзе как о потенциальном противнике. Заместитель государственного секретаря Грю писал в меморандуме правительству: «Будущая война с Россией так же неизбежна, как сама реальность. Она может разразиться в ближайшие годы». Командующий ВВС США генерал Арнольд, требуя занятия баз на чужих территориях, указывал: «Нам нужны базы во всем мире с тем, чтобы мы могли поразить любую цель, которую нам прикажут достичь». Все эти материалы стали известны уже после окончания второй мировой войны, но первые признаки отхода правительства США от сотрудничества с СССР уже проскальзывали в буржуазной печати и радио. К ним жадно прислушивались Гитлер и Геббельс. Когда стало известно о смерти Рузвельта, Геббельс, после совещания с Гитлером, восклицал в экстазе: «Вот поворотный пункт. Это напоминает смерть царицы во время Семилетней войны». Доверенным астрологам было поручено составить Гитлеру гороскоп. Астрологи предсказали победу. Гитлер приказал германским войскам по обоим берегам Эльбы отойти к Берлину, чтобы облегчить «столкновение» советских и американских армий.

Влиятельные силы в правящих кругах США, Черчилль в Англии стояли за то, чтобы продвинуться максимально на Восток, занять Берлин и Прагу силами англо-американцев. Верховный штаб союзных войск Эйзенхауэра был завален телеграммами, рекомендовавшими действовать таким образом. Но стратеги Вашингтона и Лондона не видели реальной военной обстановки. Эйзенхауэр неоднократно объяснял это

правительствам США и Великобритании. Когда же с предложением продвинуться к Берлину к нему обратился командующий американской армией генерал Симпсон, патрули которого вышли на Эльбу, Эйзенхауэр также высказался против. В телеграмме военному министру США он указал: готовиться к немедленным действиям против Берлина «было бы глупо ввиду относительного положения русских и нас... Верно то, что мы захватили небольшой плацдарм за Эльбой, но следует помнить, что на эту реку вышли только передовые наши части, основные силы находятся позади». Американские штабы, оценивая возможные потери при продвижении к Берлину, считали, что они достигнут 100 тыс. человек.

25 апреля 1945 г. части 1-го Украинского фронта соединились с американскими войсками на Эльбе, у небольшого города Торгау. Встреча советских и американских солдат вылилась в демонстрацию боевого содружества СССР и США. А гитлеровские главари даже в последние свои часы, обложенные советскими войсками в развалинах Берлина, не теряли надежд на раскол в лагере антифашистской коалиции. Гитлер ухватился за ложное сообщение о том, что при соединении советских и американских войск якобы произошли инциденты. «Вот яркий пример отсутствия единства среди наших врагов, — повторял он. — Разве невозможно, что каждый день, нет, каждый час может разразиться война между большевиками и англосаксонскими державами?» Сами по себе высказывания бесноватого фюрера носили бредовый характер, но они приобретают мрачный смысл, если вспомнить указание Черчилля Монтгомери, отданное в эти дни. Британский премьер предписал ему: «Тщательно собирать германское оружие и складывать его, чтобы его можно было бы снова раздать германским солдатам, с которыми нам пришлось бы сотрудничать, если бы советское наступление продолжалось». Указание Черчилля отражало сокровенные замыслы международной реакции, в том числе американской.

Черчилль настаивал на том, чтобы англо-американские армии продвинулись максимально на Восток. Еще 7 апреля 1945 г. он инструктирует британское командование. «Если мы форсируем Эльбу или продвинемся к Берлину или на линию между Берлином и Прибалтикой, которая находится в русской зоне, мы не должны отказываться от этого и не должны рассматривать этот вопрос как чисто военный. Это государственный вопрос... Я придаю этому огромное значение».

Проблема, стоявшая перед США, по словам Трумэна, сводилась к следующему; «После поражения Германии все еще оставалась Япония. Для победы над Японией следовало перебросить много солдат из Европы на Тихий океан. Конечно, я соглашался с Черчиллем, что желательно занять крупные города Европы — Берлин, Прагу и Вену. Однако оставалось фактом, что эти города, так же как и страны Восточной Европы, находились под контролем русских. Русские занимали сильные позиции». Не менее важное значение имел и мощный подъем демократических сил в мире в связи с победоносным окончанием войны против гитлеровской Германии.

Днем 30 апреля, когда советские солдаты в Берлине приближались к имперской канцелярии, Гитлер покончил жизнь самоубийством. Его приближенные вытащили труп негодяя во двор, облили бензином и сожгли. По завещанию Гитлера, власть переходила к «правительству» Де-ница в Фленсбурге, имперским канцлером был назначен Геббельс. В то время как Дениц послал уполномоченных к западным союзникам, пытаясь заключить мир с ними на антисоветской основе, Геббельс предпринял безнадежный маневр. В ночь на 1 мая на командный пункт генерал-полковника Чуйкова прибыли германские представители во главе с начальником германского генштаба генералом Кребсом. Сообщив о самоубийстве Гитлера, Кребс передал обращение Геббельса и Бормана на имя И. В. Сталина. Нацистские главари предлагали временно прекратить боевые действия в

Берлине с тем, чтобы «получить возможность создать базу для ведения мирных переговоров между Германией и Советским Союзом, народы которых понесли наибольшие жертвы в этой войне». Перед отправкой этой делегации Геббельс заявил: «Мы хотим обратиться по радио к маршалу Сталину, чтобы он первый узнал о создании нового правительства Германии». Германским представителям в советском штабе было указано, что речь может идти только о безоговорочной капитуляции Германии перед всеми союзными державами. Планы Геббельса вызвать раскол среди союзников рухнули, он покончил с собой. 2 мая германский гарнизон в Берлине капитулировал.

По-иному подошли к капитуляции германских войск США и Англия. В обращении по радио Дениц заявил: «Против англичан и американцев я вынужден вести борьбу, поскольку они препятствуют моей борьбе с большевиками». Межсоюзнические соглашения предусматривали капитуляцию германских войск перед тем союзником, с которым они вели боевые действия. В нарушение этих соглашений англо-американское командование, в первую очередь Монтгомери, разрешило переход своих линий германским солдатам и офицерам, бежавшим от Советской Армии. *(Гитлеровцы по достоинству оценили действия англо-американцев. Эсэсовский генерал Мейер, оказавшийся в лагере для военнопленных, переговорив со своими единомышленниками, заявил представителям союзного командования: «Мы все согласны с тем, что прежде всего нужно уделить внимание восточной угрозе, которая, на мой взгляд, включает не только Россию, но и Японию. Я прошу разрешения сформировать эсэсовскую дивизию в 23 тыс. человек из немецких военнопленных. Назовем ее «Дивизия СС—Европа», вооружим немецким оружием. Мне нетрудно собрать этих людей для борьбы против Востока. Мы показали бы вам, как могут воевать немцы».*) Более того, по негласному разрешению Монтгомери с побережья Балтийского моря в английскую зону оккупации было вывезено свыше 2 млн. человек. 7 мая в Реймсе был подписан предварительный протокол капитуляции германских вооруженных сил перед представителями командования США, Англии и СССР. 8 мая в предместье Берлина — Карлсхорте Кейтель перед лицом представителей командования СССР, США, Англии и Франции подписал окончательный акт о безоговорочной капитуляции Германии. Война в Европе окончилась.